

Проблемы советской экономики

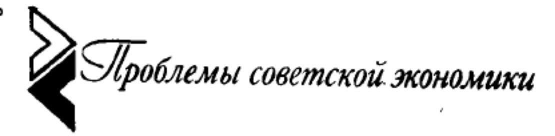
В. А. ПОГРЕБИНСКАЯ

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА В КОНЦЕ 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

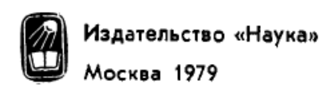
Академия наук СССР
Институт экономики

В. А. ПОГРЕБИНСКАЯ

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

В КОНЦЕ 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

Издательство «Наука»
Москва 1979

В работе рассматривается организация и методология работ по составлению генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов. Особое внимание уделяется таким вопросам, как характеристика генплана, программа разработок. Подробно анализируется также проблема темпов экономического развития в связи с эффективностью общественного производства.
Книга рассчитана на широкий круг экономистов.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Г. М. СОРОКИН

Погребинская Вера Александровна
РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА
В КОНЦЕ 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ
Утверждено к печати Институтом экономики АН СССР
Редактор издательства *И. К. Кокошкина.* Художник *О. А. Кознов.*
Художественный редактор *И. Ю. Нестерова.*
Технический редактор *З. Б. Павлюк.* Корректор *Л. И. Харитонова*
ИБ № 15401
Сдано в набор 23.11.78. Подписано к печати 30.01.79. Т-01323. Формат 84×108[1]/32
Бумага типографская № 3. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,6. Тираж 1300 экз. Тип. зак. 1204. Цена 1 р. 10 к.
Издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

П $\frac{10803-045}{042(02)-79}$ 356—79.0604020102

ВВЕДЕНИЕ

Высокий уровень развития народного хозяйства СССР ставит перед экономической наукой и хозяйственным управлением новые и сложные задачи. Масштабы современного производства таковы, что нельзя планировать развитие страны на ближайшее пятилетие, не зная перспектив развития производства, основных потребностей государства на 10—15 лет вперед.

Назначение ориентировок на 10—15 лет, как указывалось на XXV съезде партии, заключается в том, «чтобы заблаговременно определить характер и масштабы стоящих перед нами задач и сосредоточить силы на их решении, яснее увидеть возможные проблемы и трудности, облегчить разработку и выполнение программ и проектов, выходящих за рамки пятилетия» [1]. В разные исторические периоды перед нашей страной стояли разные задачи, однако для составителей долгосрочных планов в методологическом отношении главной всегда была проблема найти оптимальный путь развития экономики к социализму и коммунизму исходя из основной цели данного периода. Это тесно связано с определением темпов роста и оптимизацией соотношения между потреблением и накоплением, I и II подразделениями общественного производства, промышленностью и сельским хозяйством.

Указывая на необходимость совершенствования планирования, Л. И. Брежнев в речи на XXV съезде КПСС подчеркнул, что «наша страна первой встала на путь планового руководства экономикой. Этому сложному искусству у нас учились и учатся десятки других государств» [2]. Изучение предшествующего опыта планирования — одна из отправных точек его совершенствования.

Первый генеральный план развития народного хозяй-

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 40.
[2] Материалы XXV съезда КПСС, с. 59.

ства страны — план ГОЭЛРО, утвержденный в 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов, был рассчитан на 10—15 лет. Изменившаяся хозяйственная обстановка к середине 20-х годов поставила перед плановыми органами задачу его уточнения. В 1924 г. Президиум Госплана вынес решение об уточнении плана ГОЭЛРО. Однако оказалось, что одного уточнения недостаточно: необходим был новый генеральный план, ориентированный на полную победу социализма в СССР. Первая программа уточнения плана ГОЭЛРО была изложена в выступлении Г. М. Кржижановского в журнале «Плановое хозяйство» в 1925 г. В 1926 г. была сформирована Комиссия при Госплане СССР по составлению генплана.

В конце 20-х — начале 30-х годов при Госплане работало последовательно три комиссии по составлению генерального плана: П. С. Осадчего (1926—1928 гг.), Н. А. Ковалевского (1928—1930 гг.), Г. И. Ломова (1931—1933 гг.). Исследованию разработок этих комиссий и посвящена данная работа. Анализ работы комиссий проводится нами с позиций современной методологии планирования и практики составления десяти пятилетних планов развития народного хозяйства и на основе изучения хозяйственных процессов, которые протекали в 20—30-е годы. Необходимость такого анализа подчеркивал В. И. Ленин, когда критикуя «критиков» Маркса, писал, что факты нужно сравнивать «не с идеей, а с другим фактом», предупреждая, что оба факта должны быть по возможности точно исследованы и представлять «один по отношению к другому, различные моменты развития» [3].

Сравнение конкретных установок комиссий с итогами развития народного хозяйства СССР в довоенный период позволяет сказать, какие из предложенных методов были опровергнуты жизнью, а какие доказали свою актуальность. Такие методы, как чистая экстраполяция, планирование темпов только исходя из достигнутого уровня (затухающая кривая комиссии Осадчего), статистические ряды и динамические и статические коэффициенты как единственная исходная база планирования отвергнуты практикой советского планирования. В то же время комиссиями 20-х годов предлагались такие методы, как про-

---

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.

гнозирование технического прогресса (комиссия Г. И. Ломова), составление баланса и моделирование (комиссия Н. А. Ковалевского), развитые в дальнейшем советской наукой, хотя эти методы имели крупные недостатки. В частности, попытки практического применения экономико-математической модели показали, что разработка модели не исчерпывает процесса составления плана.

Проведенный в то время количественный анализ хозяйственных явлений был связан с чрезмерной их формализацией, игнорированием ряда специфических особенностей развития страны и значительным упрощением. Позже было доказано, что практическое применение экономико-математической модели возможно лишь на основе глубокого качественного анализа происходящих явлений (этот момент, хотя и сознавался комиссией, практически реализован не был). Кроме того, сами эти явления должны быть достаточно устоявшимися. Процесс коренной ломки всей хозяйственной структуры, происходящей в годы индустриализации, не позволял уложить все процессы в строгие рамки экономико-математической модели. Ни одна из комиссий конца 20-х — начала 30-х годов не предложила приемлемой методологии составления плана.

XVIII съезд партии (1939 г.) поставил задачу разработки генерального плана на 15 лет (1943—1957 гг.). К разработке этого плана предполагалось привлечь кроме работников Госплана СССР широкий круг сотрудников ведомств, наркоматов, Академии наук, кадры союзных республик. Материалы разработки генплана намечалось издать в двух томах. В первом томе проектировались такие разделы: основные задачи генплана, исходный экономический уровень для их выполнения; программа строительства в СССР, размещение производительных сил, развитие новейшей техники, электрификация, программа развития транспорта. Предполагалось также рассмотреть проблемы повышения производительности труда и снижения издержек производства, ликвидации противоположности между городом и деревней, уровень потребления. Во втором томе должны были рассматриваться задачи развития экономических районов и союзных республик. Накопленный материал по разработке всех этих проблем был представлен в тезисной форме ЦК ВКП(б) и Совнаркому СССР.

В 1947—1948 гг. разработка генерального плана была поручена комиссии Н. А. Вознесенского. Ее результатом явился проект доклада в ЦК КПСС, в котором рассматривались среди прочих проблем материальные балансы на период генплана, который вначале определялся с 1946 по 1965 гг., а затем с 1951 по 1970 гг.

Основная задача современного этапа планирования — ориентация плана на всемерное повышение благосостояния трудящихся. Эта задача может быть осуществлена только за счет дальнейшего подъема производства на основе повышения его эффективности, которое в конечном счете состоит в росте производительности общественного труда. Последняя при современных масштабах производства и развитии научно-технического прогресса неразрывно связана со всеми звеньями экономики и прогнозом их развития на длительный период.

Решение проблем развития экономики страны связана с совершенствованием методологии планирования, которое невозможно без изучения его истории. Анализ методологии составления предшествовавших планов — долгосрочных, перспективных и годовых — позволяет проследить преемственность различных этапов планирования, использовать все ценное, накопленное историей. Важным материалом для этого являются разработки по генеральному плану конца 20-х — начала 30-х годов. Изучение данного периода в истории планирования существенно с точки зрения оценки борьбы социалистической идеологии с буржуазной вокруг вопросов планирования, которую сейчас можно исследовать исходя из большого опыта не только советского, но и зарубежного социалистического планирования.

В последние годы появилось значительное число работ, освещающих вопросы разработки генерального плана развития страны 20-х — 30-х годов. Первой из них стала статья Г. М. Сорокина, напечатанная в 1961 г.[4]

---

[4] *Сорокин Г. М.* Первый генеральный план развития народного хозяйства.— Плановое хозяйство, 1961, № 2; *Белянова А. М.* Из истории перспективного планирования в СССР в конце 20-х — начале 30-х годов.— Вестник МГУ, сер. Экономика, 1971, № 3; *Вайнштейн Альб.* К 60-летию Фельдмана.— Экономика и математические методы, 1968, т. 4, № 2; *Альтер Б. Б., Почкин П. Ф.* Первая советская модель экономического роста.— Плановое хозяйство, 1968, № 8; *Залкинд А., Мирошниченко Б.* Из опыта Госплана СССР по подготовке долгосрочных планов.— Плановое

Ученые социалистических стран также исследуют методологию разработки генплана. Так, в Польше вышла монография А. Лукашевича, в которой дан анализ модели Г. А. Фельдмана[5], в ЧССР ученый Хлумски опубликовал работы на эту тему[6].

Социалистическое развитие СССР периода 20—30-х годов освещается и буржуазными авторами. Так, в 1972 г. в Кембридже вышла книга Н. Ясного, посвященная экономистам-«некомформистам», среди которых названы деятели комиссии Осадчего и его единомышленники: В. Громан, В. Базаров, Н. Кондратьев. Автор считает, что курс Германа — Базарова был единственно верным, способным «спасти» Россию. Комиссия же Ковалевского огульно характеризуется Н. Ясным как «собрание экстремистов». Необходимо отметить, что другой американский экономист, представитель теории экономического роста Е. Домар достаточно высоко оценивает модель Г. А. Фельдмана, предложенную комиссией Ковалевского.

Изучение работы комиссий конца 20-х — начала 30-х годов обеспечено достаточным количеством источников. Это прежде всего работы В. И. Ленина, решения партии и правительства по экономическим вопросам и вопросам планирования, выступления крупных руководителей хозяйственного фронта, материалы разработок самих комиссий.

Пользуясь этими источниками, на основе марксистско-ленинской методологии, автор критически проанализировал установки комиссии по генеральному плану конца 20-х — начала 30-х годов. Отбор в них ценных моментов для современного этапа планирования — одна из основных целей данной работы.

хозяйство, 1973, № 4 и др. См. также: *Белянова А. М.* О темпах экономического развития СССР. М.: Экономика, 1974; *Кириченко В. Н.* Долгосрочный план развития народного хозяйства СССР. М.: Экономика, 1974; *Курский А. Д.* Научные основы советских пятилеток.— М.: Наука, 1974.

[5] *Łukaszewicz A.* Przuspieszohu wzrost gospodarski sozialistytznej w zwiazki zteorij Feldmana. Warszawa, 1965.

[6] Politika ekonomie, 1965, N 11; Politika ekonomie, 1967, N 7, 8.

Глава первая

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В КОНЦЕ 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

1. Комиссия П. С. Осадчего (1926—1928 гг.)

Составление генерального плана развития народного хозяйства СССР в Госплане началось с уточнения плана ГОЭЛРО, который разрабатывался с 1918 г., когда при Электротехническом отделе ВСНХ была создана специальная комиссия по обследованию энергетических ресурсов страны. Эта комиссия собрала по заранее разработанной программе материалы о состоянии экономики страны по отдельным районам и отраслям народного хозяйства с 1913 по 1918 г. В марте 1920 г. вопросы, связанные с составлением единого плана, рассматривались IX съездом партии [1]. С марта по октябрь 1920 г. происходило окончательное составление плана [2].

Целевая установка плана заключалась в создании материально-технической базы социализма в нашей стране, выравнивании фронта экономики с достижениями политического уклада [3]. Проблема обеспечения народнохозяйственных пропорций ставилась и разрешалась исходя из необходимости решительной ломки старой хозяйственной структуры, социалистической реконструкции страны. Научное значение плана ГОЭЛРО заключается в том, что его составители под руководством Г. М. Кржижановского, максимально использовав накопившийся опыт, поставили и по возможности разрешили существенные методологические проблемы планирования. В этом плане впервые был реализован важный принцип планирования — выделение основного звена. Электрификация рассматривалась в плане как стержень технической реконструкции, развития крупной машинной индустрии и реорганизации сель-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 257.

[2] План был единодушно принят VIII Всероссийским съездом Советов.

[3] План электрификации РСФСР. М., 1920, с. 14.

ского хозяйства и на этой основе роста производительности труда. Последний был представлен как цель всякой хозяйственной деятельности. Также впервые в плане ГОЭЛРО намечался преимущественный рост средств производства.

Учет ресурсов и возможностей страны проводился в плане ГОЭЛРО как в масштабе всего народного хозяйства, так и по отдельным районам и отраслям. При этом проектировки были увязаны в единый народнохозяйственный план с помощью балансовых расчетов. Здесь приводились материальный и финансовый балансы электрификации, балансовые расчеты потребности в металле, стройматериалах и отдельных видах оборудования, рассматривался также сводный расчет затрат и потребностей в рабочей силе как в целом по РСФСР, так и по отдельным районам. Значение плана ГОЭЛРО состоит и в том, что он представлял собой программу переустройства экономики Советского государства на социалистической основе. Придавая плану ГОЭЛРО громадное значение, В. И. Ленин назвал его второй программой партии [4].

Выполнение плана ГОЭЛРО протекало в условиях борьбы Госплана с хозяйственными затруднениями восстановительного периода, временными и частичными кризисами. В феврале 1921 г. в письме к Г. М. Кржижановскому по поводу доклада В. П. Милютина «О методах разработки единого хозяйственного плана», В. И. Ленин писал: «Мы нищие. Голодные, разоренные нищие. Целый, цельный, настоящий план для нас теперь = «бюрократическая утопия». Не гоняйтесь за ней. Тотчас, не медля ни дня, ни часа, по кусочкам *выделить* **важнейшее**, минимум предприятий и **их поставить»** [5].

Несколько позднее, в апреле 1921 г. В. И. Ленин дает четкое и конкретное распределение деятельности Госплана между текущими планами и планом ГОЭЛРО: «Г. М. Возвращаю Вашу речь. Главный недостаток ее: слишком много об электрификации, слишком мало о *текущих* хозяйственных планах.

Не на том сделано главное ударение, на чем надо...

1—2 подкомиссии на электрификацию.

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 157.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 76.

9—8 подкомиссий на текущие хозяйственные планы. Вот так распределить силы на 1921 год»[6].

Таким образом, хозяйственная обстановка первых лет после принятия плана ГОЭЛРО требовала пристального внимания именно к текущим хозяйственным планам.

К 1925 г. советское хозяйство, по словам Г. М. Кржижановского, вступило в полосу решительной ликвидации затруднений в хозяйстве, и вся хозяйственная работа приобрела «окраску», резко отличную от всего предшествующего периода. Уровень хозяйственного развития Советского государства стал приближаться к довоенному. Возникла необходимость обобщения опыта и определения перспектив народнохозяйственной деятельности на будущее. В связи с расширением масштабов строительства и перспективой индустриализации требовался учет новых пропорций и балансовых связей. Для определения места каждой крупной стройки в экономике страны также необходим был долгосрочный план. Вначале этот план рассматривался не как новая работа, а лишь как уточнение плана ГОЭЛРО. С подобным проектом выступил на пленарном заседании Президиума Госплана в феврале 1925 г. Г. М. Кржижановский.

В проекте ставились такие важные в то время проблемы планирования, как исходный момент плана, соотношение потребления и накопления, границы привлечения и использования иностранного капитала. Разработка этих проблем требовала труда значительного коллектива. В связи с этим 29 марта 1926 г. Президиум Госплана СССР принял постановление об образовании особых комиссий генерального и перспективного плана, а несколько позднее, 10 апреля 1926 г.— Комиссии по объединению их работы[7]. Уточнение плана электрификации как основного стержня генерального плана было признано одной из важнейших задач плановой работы наряду с составлением перспективного плана и годовых контрольных цифр. Уточнение плана ГОЭЛРО, вылившееся впоследствии в составление нового генплана, прошло три этапа.

Первый этап составления генплана связан с работой комиссии П. С. Осадчего (1926—1928 гг.)[8]. В задачу

---

[6] Там же, с. 128—129.

[7] ЦГАНХ, фонд 4372, опись 1, дело 344, лист 92—93.

[8] П. С. Осадчий (1866—1943 гг.) — советский специалист в области электротехники. Был заместителем председателя Госплана

работы комиссии входило составление такого генплана, в котором указывались бы пути развития народного хозяйства в целом и его важнейших отраслей на период построения социализма в СССР. В нем должны были быть тесно увязаны экономические преобразования с их социальными последствиями.

Сложным вопросом в комиссии Осадчего был вопрос о составе кадров. Специалистами-экономистами были в основном буржуазные профессора, большинство которых не понимало или не принимало целей социалистического планирования. Задача заключалась в том, чтобы максимально использовать их знания для строительства социализма и в то же время критически отнестись к их основным методологическим концепциям. Еще в феврале 1921 г. в период организации Госплана В. И. Ленин в письме к Г. М. Кржижановскому отмечал необходимость привлечения буржуазных специалистов и обязательность «отшибать, отгонять *нетактичных* коммунистов, способных разогнать» их [9]. Вместе с тем вождь пролетарской революции призывал и к осторожности по отношению к буржуазным спецам. В письме к Г. М. Кржижановскому от 5 июня 1921 г. В. И. Ленин указывает: «По секрету: В Питере открыт новый заговор. Участвовала интеллигенция. Есть профессора, не очень далекие от Осадчего. Из-за этого куча обысков у его друзей *и справедливо. Осторожность*!!!» [10]

В комиссию П. С. Осадчего вошли почти одни буржуазные специалисты. Некоторые из них принимали активное участие в деятельности ОСВОКа [11], которая хронологически почти совпадала с деятельностью комиссии Осадчего и в методологическом подходе к решению проблем (особенно сельского хозяйства) была родственна ей. Авторы ОСВОКовской пятилетки по сельскому хозяйству — Н. П. Огановский, А. Е. Лосицкий, Н. П. Вишневский — вошли в комиссию Осадчего и использовали разработанные ими мелкобуржуазные установки в методологии генерального плана развития сельского хозяйства.

РСФСР и СССР и одновременно председателем Центрального электротехнического совета ВСНХ СССР, возглавлял технический совет Днепростроя, вел преподавательскую работу.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 81.

[10] Там же, с. 251.

[11] Особое Совещание по восстановлению основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР. Организовано 21 марта 1925 г.

Наряду с выдвинутыми в число хозяйственников лучшими людьми партии приходилось использовать и буржуазных специалистов, так как нужно было учитывать «не только строгую партийность, партстаж и т. п., но хозяйственную практичность и деловитость» [12], т. е. опыт, которым они обладали. Как указывалось в резолюции XII съезда РКП(б) (1923 г.), «приходится поступаться то тем, то другим из них. Ввиду этого подбор кадров хозяйственников становится крупнейшим и труднейшим делом» [13].

В результате работы ОСВОКа вышли «Труды комиссии по критической сводке пятилетних гипотез развития отраслей промышленности» [14]. В них рассматривались и перспективы развития сельского хозяйства. Причем в расчетах использовались довоенные соотношения между отраслями народного хозяйства, на которых также строились расчеты комиссии Осадчего.

Этой комиссией были разработаны «Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической основе на ближайшие 10—15 лет» [15], на базе которых должны были разрабатываться порайонные планы. Съезд Президиумов Госпланов (февраль 1926 г.) организовал специальную комиссию по выработке программы составления районных планов. Вопросы для рассмотрения объединялись в следующие группы:

Вопросы, касающиеся:

1) предстоящего темпа развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта и темпа роста государственного бюджета (с выделением расходов административных и производственных);

2) географического распределения центров отдельных отраслей промышленности;

3) плана развития магистральных путей сообщения и плана нового железнодорожного строительства;

4) срока строительства крупнейших сооружений в районах (Днепровская установка, Волго-Донской канал,

[12] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 1. М.: Политиздат, 1967, с. 343.
[13] Там же.
[14] Материалы ОСВОКа при Президиуме ВСНХ СССР. М.—Л.: Промиздат, 1927—1928.
[15] М.: Плановое хозяйство, 1926.

Урало-Кузнецкий проект и т. д.)[16]. Таким образом, комиссия Осадчего предполагала сосредоточить внимание на отраслевом аспекте генплана.

Основное же содержание «Общих предпосылок» сводилось к следующему. Сроком выполнения генерального плана принимались 10—15 лет, однако в «Общих предпосылках» подчеркивалось, что СССР по преимуществу аграрная страна, поэтому на ход и темп ее развития оказывают значительное влияние стихийные факторы. Отсюда невозможно «фиксировать на ряд лет вперед темп развития народного хозяйства и устанавливать календарные сроки осуществления различных заданий»[17]. Единственной целевой установкой генерального плана выдвигалось удвоение среднего дохода на душу населения Союза[18]. Основной задачей в связи с этим становилось, по мнению авторов «Общих предпосылок», «выявление необходимой пропорциональности в темпе развития различных отраслей народного хозяйства, обеспечивающей гармоническое развитие его в направлении к достижению намечаемого ныне уровня удовлетворения потребностей районов и всей страны»[19].

Исходя из целевой установки генерального плана, предполагалось составить примерный баланс района и, сравнив его с существующим, наметить «плавный переход от одного уровня и уклада жизни к другому»[20]. Таким образом, в «Общих предпосылках» обходился вопрос о социальной направленности плана, предлагалась не ломка сложившихся пропорций, а «плавный переход» от одного неудовлетворительного уровня к другому, по сути говоря такому же неудовлетворительному. Неудивительно, что исходя из этих посылок, комиссия считала нужным ориентировать внутреннее производство на легкую промышленность, а потребность в средствах производства покрыть за счет импорта машин и оборудования.

---

[16] Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической основе на ближайшие 10—15 лет, с. 5.

[17] Там же, с. 10.

[18] В действительности этот показатель возрос к 1939 г. по сравнению с 1926 г. приблизительно в 4 раза.

[19] Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической основе на ближайшие 10—15 лет, с. 10,

[20] Там же.

Работа комиссии Осадчего проходила в период перехода к реконструкции народного хозяйства. Мелкобуржуазная и буржуазная интерпретация особенностей этого периода лежала в основе методологии разработки генплана, используемой комиссией.

К 1926 г. Советский Союз был еще страной преимущественно аграрной. Подавляющее большинство населения составляли крестьяне-единоличники. Такие члены комиссии Осадчего, как Н. П. Огановский, А. Е. Лосицкий, объективно выражали интересы их зажиточной части.

Завершение восстановительного периода было связано с переходом к постепенной замене старых основных фондов новыми, что не могло не вызвать некоторого замедления темпов развития промышленного производства. Это интерпретировалось буржуазными учеными как однонаправленная тенденция, объясняемая самостоятельным влиянием исходного уровня на темпы развития. В партийных документах и работах советских экономистов давалась развернутая критика подобных установок. Так, в резолюции XV конференции ВКП(б) (26 октября — 3 ноября 1926 г.) указывалось, что «развитие индустрии на основе расширения основного капитала (нового капитального строительства) никогда не могло и не может идти с такой быстротой, с какой проходило развитие промышленности на старой базе в восстановительный период за последние годы. Однако специфические условия Советского государства обеспечивают за промышленностью более быстрый темп развития, чем в условиях капиталистического государства.

Предпосылкой дальнейшего роста промышленности является расширение основного капитала» [21].

Буржуазные специалисты считали, что между социализмом и капитализмом нет особой разницы. Понимая, что тенденции восстановительного периода временны, они искали базу для экстраполяции в дореволюционной действительности, основные экономические соотношения которой переносились на будущее с помощью «динамических коэффициентов».

Такова в общих чертах методология, используемая при составлении генплана работниками комиссии Осадчего.

---

[21] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 3. М.: Политиздат, 1970, с. 365.

Эта методология была изложена в работах В. А. Базарова и В. Г. Громана. Взгляды В. А. Базарова в области планирования народного хозяйства были изложены им на заседании Центральной методологической Комиссии Госплана 15 июня 1926 г., где остро критиковались Г. М. Кржижановским, А. М. Эсседом[22]. Еще в 1924 г. Г. М. Кржижановский на заседании Президиума Госплана по методологии составления перспективных планов по поводу работы Базарова сказал, обращаясь к А. Д. Цюрупе: «Если вы хотите методологии, то мы имеем ведь уже готовый проект на эту тему — доклад В. А. Базарова. Но вряд ли я ошибусь, если скажу, что Вы не будете удовлетворены этим докладом, потому что здесь все условно, все спорно»[23]. Позиция В. Г. Громана по методологии планирования излагалась им в статьях, в которых он пытался доказать отсутствие в СССР социалистического уклада, определял его как государственный капитализм, и в связи с этим предлагал составлять план исходя из закономерностей капиталистического хозяйства.

Проблемы, касающиеся составления генплана, широко обсуждались в советской печати. Большую роль в критике мелкобуржуазного направления в планировании сыграли такие журналы, как «Большевик», «Вестник Комакадемии», «Проблемы экономики», «Плановое хозяйство». Экономисты-марксисты, не отрицая дискуссионности многих проблем планирования, связанных с чрезвычайной сложностью периода, переплетением в ней различных закономерностей многоукладной экономики, выступали за революционное преобразование действительности. Они резко критиковали простое описание ее, как это имело место в большинстве работ экономистов-немарксистов.

*

Составлению общесоюзного генерального плана страны должны были предшествовать генеральные планы развития республик и важнейших экономических районов. Исходя из решений I Всесоюзного съезда президиумов Госпланов, Госплан РСФСР подготовил план работы, который предусматривал: составление генерального плана разви-

---

[22] См. ЦГАНХ, фонд 4372, опись 1, дело 344 (ч. I), 348 (ч. I).
[23] ЦГАНХ, фонд 4372, опись 1, дело 179, лист 118—118 обор.

тия РСФСР, на его основе составление контрольных цифр и разработку пятилетнего плана к определенным срокам.

К 1926 г. сложилась достаточно разветвленная сеть местных плановых органов[24], однако круг их деятельности не всегда был четко ограничен. На долю планирования приходилась примерно 1/4 всех решаемых вопросов. Работа по составлению генерального плана должна была сосредоточить внимание местных плановых органов именно на планировании, окончательно сформировав их как собственно плановые органы. Госплан РСФСР, утвержденный 20 февраля 1925 г., осуществлял руководство этой работой через Особое Совещание при Президиуме Госплана под председательством заместителя председателя Госплана РСФСР А. М. Эссена. Он же был председателем Комиссии по методологии планирования при Госплане РСФСР.

С августа по октябрь 1926 г. на Особом Совещании был заслушан ряд предварительных докладов о составлении местных генеральных планов. Рассмотрев эти доклады, Особое Совещание указало на необходимость «уточнить реконструктивные линии развития хозяйства, выделяя отдельные отрасли как по промышленности, так и по сельскому хозяйству, с указанием крупных предполагаемых мероприятий (пути сообщения, электрификации и др.), после чего должны быть даны общие цифры в средних величинах по всем отраслям». Несколько позднее на Особом Совещании слушались также доклады по отдельным отраслям промышленности. Работа над генеральным планом была важна для местных плановых органов с точки зрения выявления ресурсов и подготовки вариантов пятилетнего плана. Выступая на II Всесоюзном съезде плановых работников (1927 г.), А. М. Эссен подчеркнул, что вся плановая система РСФСР в течение последнего полугодия усиленно прорабатывала генеральный план. «Оценить, насколько пятилетка корреспондирует этим наметкам генерального плана, проработать ту систему мероприятий, которая позволила бы дать более оптимальное

---

[24] В 1926 г. насчитывалось 119 плановых комиссий, из них: 5 — облкрайпланы, 11 — госпланы АССР, 12 — облпланы автономных республик, 38 — губернские плановые комиссии, 53 — окружные плановые комиссии. Общее число сотрудников в этих комиссиях составляло 1212 человек, т. е. более 10 на каждую (Бюллетень Госплана РСФСР, 1927, № 13—14, с. 74).

решение для основных показателей пятилетки,— такова ближайшая задача, стоящая перед всей системой плановых органов»[25].

Методологической основой построения местных генеральных планов были «Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической базе на ближайшие 10—15 лет». В основном все эти генеральные планы[26] содержали методологические ошибки «Общих предпосылок»: установку на «рост индивидуальных крестьянских хозяйств», «затухание темпов» роста экономики, непонимание закономерности индустриализации. Однако были и исключения. Например, в генеральном плане развития хозяйства Урала в главе «Трудовые ресурсы» авторы при подсчете естественного прироста населения использовали метод гораздо более удачный, чем тот, который был использован для прогноза в целом по СССР. При определении прогноза по СССР за основу брался метод экстраполяции незакономерно большого прироста населения в восстановительный период на весь период генерального плана. Составителями же генерального плана развития Урала «был избран другой более сложный метод исчисления с учетом: а) смертности не для всего населения в целом, а для отдельных возрастов с поправкой на смертность; б) рождаемость по отношению не ко всему населению, а только к численности женщин, способных к деторождению»[27].

В результате использования этого метода авторы пришли к следующим выводам, подтвержденным впоследствии действительностью: 1925—1932 гг.— соотношение возрастных групп благоприятно с точки зрения естественного прироста, так как во время войны и голода особенно пострадали группы: 0—7 лет, люди рабочего и старческого возраста, а поколение от 8—16 лет пострадало

---

[25] Бюллетень Госплана РСФСР, 1927, № 7—8, с. 2.

[26] К 1927 г. были опубликованы следующие генеральные планы: Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 гг. и перспективы первого пятилетия. Свердловск, 1927; Основные положения генплана развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1927; Естественные производительные силы. Харьков, 1928; Пути развития народного хозяйства Закавказья. Тифлис, 1925; и др.

[27] Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 гг. и перспективы первого пятилетия. Свердловск, 1927, с. 49.

меньше. Группа 8—16 лет в этот период достигнет зрелости, в итоге вырастет рождаемость.

Начиная с 1932 г. картина меняется. Поколение рождения 1915—1922 гг., ослабленное войной и голодом, достигает зрелости и приходит на смену более многочисленному предшествующему поколению. Начинается относительное уменьшение веса групп населения в возрасте, способном к деторождению. В результате — понижение процента рождаемости, исчисленного по отношению ко всему населению. К этому же времени вырастет число людей старческого возраста, дающего высокий коэффициент смертности. В общем итоге — замедление темпа роста народонаселения. Данный процесс продолжается до тех пор, пока на смену поколению рождения 1915—1922 гг. не придет более многочисленное поколение рождения 1924 и последующих годов, т. е. до 1940—1941 гг.

Таким образом, авторы генплана по Уралу предложили четкую методологию, основанную на анализе явлений, а не их механической экстраполяции.

К сожалению, такая четкая методология редка в местных материалах. Она использовалась лишь там, где генплан составлялся работниками районов и хронологически предшествовал «Общим предпосылкам». Так, еще в 1923 г. в журнале «Наше хозяйство» (Рязанский губернский экономсовет) были помещены статьи В. Романовского [28]. В одной из них автор указывал на необходимость «ясно нарисовать картину желательного состояния сельского хозяйства через определенное время, которая должна найти свое выражение в генеральном плане развития сельского хозяйства» [29]. Составляя генеральный план развития сельского хозяйства Рязанской губернии, В. Романовский в какой-то мере использовал этот принцип. В целом же местные органы, как и вся комиссия Осадчего, не выполнили стоящей перед ней задачи составления генерального плана строительства социализма, более того, методология, разработанная комиссией, объективно была направлена против этой цели.

---

[28] *Романовский В.* О методе построения генерального плана развития сельского хозяйства.— Наше хозяйство, 1923, № 4; *он же.* Очерки генерального плана развития сельского хозяйства Рязанской области.— Наше хозяйство, 1923, № 5.

[29] *Романовский В.* О методе построения генерального плана развития сельского хозяйства.— Наше хозяйство, 1923, № 4, с. 6.

Некоторые экономисты формально подошли к критике методологии комиссии Осадчего. Так, в 1928 г. на страницах «Торгово-промышленной газеты» выступил работник Госплана Л. Сабсович [30]. Его статья, направленная против теории «затухающей кривой», хотя и проектировала совершенно фантастические темпы роста страны на ближайшее время, методологически повторила прием представителей этой теории, с той только разницей, что последние экстраполировали довоенные темпы развития, а Л. Сабсович — темпы восстановительного периода. Оценивая работу Л. Сабсовича, Г. М. Кржижановский писал: «Горячо и убедительно пишет т. Сабсович, говорит конкретным языком, не любит абстракций, взятых самих по себе, и тем не менее, в общем и целом, какой абстрактный подход к трактовке генерального плана. А причина такой неубедительности в неправильной методологии всего построения, в технико-экономической необоснованности — экстраполяцией» [31].

В 1929 г. в «Торгово-промышленной газете» появилась статья А. Золотарева «О пятилетке и генеральном плане». В этой статье автор утверждал, что через два года будут уничтожены все остатки капитализма, а к середине 30-х годов завершится построение первой фазы коммунизма и страна вступит в высшую фазу. Генеральный план рассматривался А. Золотаревым лишь как «продолжение пятилетки» .

Вредность подобных работ заключалась и в том, что они неправильно ориентировали массы. Нереалистический прогноз был политически вреден.

Оценивая в целом план, предложенный комиссией Осадчего, следует подчеркнуть, что он был составлен без учета тех изменений, которые внесла Октябрьская революция в экономику страны. Составители плана преследовали лишь одну цель — достижение общей сбалансированности хозяйства, которое они оценивали как несоциалистическое. Использование таких методологических установок, как экстраполяция довоенных соотношений и «затухающая кривая», было направлено против индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства. Эти установки объясняются как объективны-

---

30 Торгово-промышленная газета, 7 ноября 1928 г.

31 *Кржижановский Г. М.* Предисловие.— *Сабсович Л.* СССР через 15 лет. М.: Плановое хозяйство, 1929, с. 2.

ми трудностями — многоукладностью экономики, постоянно меняющейся хозяйственной обстановкой, неразработанностью большинства проблем,— так и субъективными причинами — недостаточной изученностью в то время марксистско-ленинской теории, составом комиссии.

2. Комиссия Н. А. Ковалевского (1928—1930 гг.)

Вторым этапом в разработке генерального плана стала деятельность комиссии под председательством Н. А. Ковалевского[32]. В отличие от комиссии П. С. Осадчего разработка генерального плана в этой комиссии велась главным образом учеными-марксистами, что отражало начавшееся изменение в составе кадров Госплана страны. 13 декабря 1929 г. Н. А. Ковалевский вынес на обсуждение Президиума Госплана СССР рабочую гипотезу развития народного хозяйства СССР в генеральном плане, методологическая часть которой была в значительной мере представлена экономико-математической моделью Г. А. Фельдмана[33]. Представлению рабочей гипотезы на Президиум Госплана предшествовало ее обсуждение на съезде плановых работников (1928 г.) и дискуссия о методологии генплана в Клубе плановых работников (1928 г.). Всесоюзное совещание плановых органов (1930 г.) подвело итоги обсуждения. На нем Г. М. Кржижановским и Э. И. Квирингом была дана развернутая критика проекта генерального плана. Основные положения генерального плана были изложены Н. А. Ковалевским в его работах. Методологические работы Г. А. Фельдмана печатались в журнале «Плановое хозяйство»[34]. Ступенью к разра-

---

[32] Н. А. Ковалевский (1892—1958 гг.) — член партии с 1918 г. Преподаватель политэкономии МГУ, руководитель кафедры народнохозяйственного планирования в Московской плановой академии, ответственный редактор журнала «Плановое хозяйство», директор Центрального научно-исследовательского института экономики транспорта, работник Латвийской Академии наук.

[33] Г. А. Фельдман (1884—1958 гг.) — инженер-энергетик. Работник Госплана СССР, Плановой академии, начальник группы сводного плана Главного управления Северного Морского пути.

[34] *Ковалевский Н. А.* Методология плана реконструкции. М., 1928; *он же.* Проблемы планового регулирования народного хозяйства. М., 1928; *он же.* Размещение производительных сил на территории СССР во второй пятилетке и генеральном плане. М., 1932; *он же.* Рабочая гипотеза развертывания народного хозяй-

ботке модели, представленной в этих публикациях, была также монография «Соображение о структуре и динамике народного дохода хозяйства С. А. С. Ш. с 1850 по 1925 гг. и СССР с 1926/1927 по 1940, 1941 гг.» (М., 1927), где излагалась методология сравнения уровней СССР и США.

В обсуждении генерального плана принял участие широкий круг экономистов-марксистов, критические замечания которых были учтены при разработке методологии планирования. На дискуссии по обсуждению генерального плана выступили такие известные ученые и практики планового фронта, как Г. М. Кржижановский, Э. И. Квиринг, Н. А. Вознесенский, а также Альб. Л. Вайнштейн, М. Власов, А. Мендельсон, А. И. Петров, М. Рагольский, Л. Л. Эвентов. В обсуждении рабочей гипотезы принимали участие и бывшие члены комиссии П. С. Осадчего — В. А. Базаров и В. Г. Громан, которые отстаивали свой «генетический» метод.

Комиссия Осадчего, как указывалось, при разработке генплана основное внимание уделяла отраслевым и районным планам, комиссия же Ковалевского исходила из народнохозяйственного подхода к плану. Поэтому основными вопросами для комиссии Ковалевского стали оптимальное соотношение между потреблением и накоплением в связи с проблемой темпов и народнохозяйственная эффективность, ее измерение и показатели.

В ходе обсуждения генерального плана рассматривались также такие глобальные вопросы теории политэкономии и практики планирования, как критерий определения фаз коммунизма и переходного периода; применимость схем К. Маркса для социалистического воспроизводства (здесь важной заслугой комиссии было доказательство необходимости их использования при социализме, что в то время оспаривалось рядом экономистов), о соотношении техники и экономики (этот вопрос рассматривался в связи с критикой технической необоснованности экономических положений комиссии). Здесь вновь дебатировался вопрос о ведущем звене плана. Перед комиссией Н. А. Ковалевского стояла труднейшая задача

ства СССР в генеральном плане. М., 1930. *Фельдман Г. А.* К теории темпов народного дохода.— Плановое хозяйство, 1928, № 11—12; *он же.* Аналитический метод построения перспективных планов.— Плановое хозяйство, 1929, № 11.

определения на 15—20 лет основных экономических пропорций расширенного воспроизводства; соотношения между производством и потреблением, потреблением и накоплением, промышленностью и сельским хозяйством, I и II подразделениями общественного производства. Решить эту задачу можно было только предварительно разработав стройную методологию, что комиссии не удалось сделать. Однако даже то, что было сделано в данной области, представляет интерес как первые попытки. Работа комиссии Н. А. Ковалевского над составлением генерального плана проходила в сложной обстановке. Социалистическое строительство сталкивалось с громадными трудностями. Существование несоциалистических укладов сдерживало развитие социализма. Составлению генерального плана должна была предшествовать четкая концепция экономического развития страны, конкретные целевые установки. Только правильное определение целей в генеральном плане, которое предшествовало бы его составлению, могло в сочетании с основными показателями составить структурный скелет плана. Имея определенный размер накопления, заданный его нормой и эффективностью, можно использовать накопления по различным направлениям, которые и должны соответствовать целям.

Генеральный план определялся комиссией Н. А. Ковалевского как экономическая программа реконструкции народного хозяйства СССР на энергетической базе «с оптимальным использованием достижений мировой техники и применением принципа общественного разделения труда между экономическими районами. Это должен быть экономический план движения к социализму» [35]. Программа разработки плана предусматривала определение: 1) направлений и типов развития техники по отраслям; 2) перспектив развития районов; 3) типов и форм социально-экономического развития отраслей и народнохозяйственного комплекса с дифференциацией по районам. И, наконец, программа исходила из необходимости создания «модели народнохозяйственного целого», которая должна была завершить перечисленные разделы плана и показать кратчайший путь (кратчайший срок) в осуществлении поставленной цели.

При подготовке генерального плана комиссия отошла

[35] Плановое хозяйство, 1928, № 4, с. 8.

от намеченной программы и сосредоточила внимание на создании модели народного хозяйства, исходя из которой было сосчитано 50 вариантов экономического развития СССР на 15 лет. В конкретной расшифровке целей генерального плана комиссия также отошла от первоначальных наметок. В докладе Президиуму Госплана Н. А. Ковалевский предложил в качестве одной из целей построить «в итоге 10—15 лет реконструкции развернутые формы коммунистического общества в пределах, которые будут только доступны при мировом сочетании сил капитализма и коммунизма» [36].

Такой подход к планированию объясняется недостаточным изучением марксистско-ленинской теории коммунизма и непониманием действительности, отражающей переплетение закономерностей двух периодов: восстановительного и реконструктивного.

Ссылаясь на решения XV съезда ВКП(б) об установлении оптимального соотношения между потреблением и накоплением, Н. А. Ковалевский говорил, что отыскание оптимума — это цель и методологический прием построений комиссии. Выявление оптимальных путей развития предполагалось вести по трем направлениям: в отраслевом, районном разрезах и в целом по народному хозяйству.

Комиссия начала составление плана с последнего направления. При отыскании оптимальных путей развития народного хозяйства комиссия использовала два основных метода: метод встречных последовательных приближений и экономико-математическую модель. Весь план Н. А. Ковалевский предлагал разделить на три части: констатационную, аналитическую и конструктивную. Констатационная часть должна была состоять в «познании сущего и динамики прошлого». Основным методом в этой части становился метод критического сопоставления проектируемого пути развития экономики с существующим положением и динамикой прошлого, а также «со статистикой и динамикой мирового хозяйства и отдельных его стран, в период прохождения ими технико-производственных этапов, намечаемых в генплане» [37].

---

[36] *Ковалевский Н. А.* Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР в генеральном плане. М.: Плановое хозяйство, 1930, с. 5.

[37] Плановое хозяйство, 1928, № 4, с. 14.

В основе аналитической части генерального плана лежала рабочая гипотеза, сущность которой заключалась в том, что на базе экономико-математической модели Г. А. Фельдмана создавалась схема основных показателей генерального плана и их соотношений. Главной задачей здесь было отыскание оптимального соотношения между показателями генерального плана. В качестве определяющих выдвигалось два показателя: норма производственного накопления и фондоотдача.

Наполнение этой схемы содержанием, т. е. выявление конкретного значения основных показателей, варьирование их в зависимости от движения всех остальных показателей: производительности труда, национального дохода, численности населения и темпов роста этих величин и затем выбор оптимального пути с помощью метода встречных последовательных приближений — такова сущность третьего, конструктивного этапа составления генерального плана.

Н. А. Ковалевский предлагал использовать также метод «перекрестного исчисления необходимых масштабов продукции по закону «цепной связи» производств и отраслей народного хозяйства между собой[38] и балансовый метод. Таким образом, составители генерального плана справедливо считали, что работу над планом необходимо начать с изучения действительности.

В период составления плана страна переживала переход от восстановления народного хозяйства к его реконструкции, основу которой представляла социалистическая индустриализация. Сущность индустриализации заключалась в установлении господства социалистических производственных отношений, создании крупной социалистической индустрии, обеспечении главенствующей роли тяжелой промышленности, переустройстве всей экономики страны на основе новейшей техники. Трудность долгосрочного планирования состояла в том, что закономерности, возникшие в реконструктивный период, были переплетены с закономерностями заканчивающегося восстановительного периода. В основном восстановительный период завершился к 1926 г., т. е. к этому году был достигнут уровень промышленного развития 1913 г.

Однако, по расчетам С. Г. Струмилина, не во всех

[38] Плановое хозяйство, 1928, № 4, с. 14.

сферах экономики 1913 г. был показательным годом. Так, основные фонды промышленности в начале 1917 г. были на 40% больше, чем в 1913 г. Таким образом, к 1926 г. и после 1926 г. в некоторых сферах продолжали действовать закономерности развития восстановительного периода (наивысший довоенный уровень данных отраслей еще не был достигнут), отделить их от закономерностей реконструктивного периода комиссии Ковалевского не удалось. Особенно это сказалось в выявлении закономерностей движения основных фондов и фондоотдачи, производственного накопления, его эффективности и его доли в национальном доходе. Рост национального дохода в восстановительный период осуществлялся в основном за счет использования старых основных фондов, поэтому национальный доход рос быстрее, чем основные фонды. Подобная тенденция продолжала действовать и в начале первой пятилетки, что было воспринято комиссией Ковалевского как постоянно действующая тенденция развития социалистического хозяйства и распространено на весь период генерального плана.

Важнейшей проблемой экономики в этот период индустриализации становилась проблема капиталовложений. Наращивание темпов экономического развития страны, связанное с тем, что СССР был единственной страной диктатуры пролетариата, требовало известных жертв. Преимущественный рост тяжелой индустрии осуществлялся в какой-то мере с помощью механизма цен, так как государство передавало через государственный бюджет часть дохода сельского хозяйства и отраслей легкой промышленности в тяжелую. Довольно высокие цены на промышленные товары сочетались с низкими (значительно ниже себестоимости) отпускными ценами на средства производства. Эта мера рассматривалась как временная.

XV партийная конференция (ноябрь 1926 г.) и пленум ЦК ВКП(б) (февраль 1927 г.) указали, каковы должны быть конкретные величины снижения промышленных цен [39]. Использование средств, накопленных в сельском хозяйстве и легкой промышленности (отраслей непосредственно связанных с рынком), для развития тяжелой индустрии ограничивало потребление трудящихся.

---

[39] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967), т. 1. М.: Политиздат, 1967, с. 548—550, 579—582.

Советский народ сознательно шел на эти ограничения во имя будущего. Очень важным в таких условиях становилось разъяснение того, что явится дальнейшим источником накопления и как индустриализация скажется на росте потребления в будущем.

Партия указывала, что дальнейший рост накоплений должен обеспечиваться за счет новых масс прибавочного продукта в самой промышленности[40], полученных за счет снижения себестоимости и роста производительности труда. Комиссия же Ковалевского вместо указаний конкретных путей роста производительности труда и снижения себестоимости ограничилась произвольно конструируемыми коэффициентом производственного накопления (норма накопления) и коэффициентом воспроизводства (фондоотдача). Комиссия Ковалевского правильно считала, что индустриализация должна обеспечить рост потребления населения в будущем, хотя некоторые экономисты ограничивали задачу индустриализации только созданием технически передовых фондов. Оптимизация соотношения между потреблением и накоплением понималась составителями генерального плана как максимизация фонда накопления, что было связано с современной им исторической обстановкой.

Н. А. Ковалевский сравнивал экономику СССР в вариантах, предусматривавших высокую норму накопления, со стремительным арабским скакуном[41]. Однако понимая, что высокая норма накопления в начальный период есть «жертва» во имя будущего, Н. А. Ковалевский ставил вопрос о границах такой «жертвы».

В модели Г. А. Фельдмана, предложенной в генплан комиссии Ковалевского, был рассчитан предел между ростом основных и оборотных фондов сфер народного хозяйства, обслуживающих потребление и накопление. Такой предел в модели Фельдмана достигается тогда, когда основные и оборотные фонды отраслей, обслуживающих рост накопления, превышают их в отраслях, обслуживающих рост потребления, в 2 раза[42].

Комиссией Ковалевского впервые был поставлен вопрос о связи эффективности накопления с размерами по-

---

[40] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967), т. 1, с. 540.

[41] Плановое хозяйство, 1930, № 3, с. 133.

[42] Г. А. Фельдман исходил в своей модели из деления всего про-

требления. Однако в решении его комиссия исходила из постоянного роста фондо- и капиталоотдачи и почти не рассматривала влияние роста производительности труда на рост эффективности накопления. Упрощенность модели Фельдмана, а также заложенный в ней нереальный рост фондоотдачи и независимость его от наращивания фондов предопределил непригодность использования данной модели для целей практического планирования. Комиссия Ковалевского, конструируя оптимум, перескочила через важнейший этап: анализ действительности как анализ отдельных факторов, влияющих на движение каждого показателя, включая и социально-политические факторы. Г. М. Кржижановский на обсуждении генерального плана высказал несогласие с методом комиссии.

«Нам кажется,— говорил он на Всесоюзном Совещании плановых и статистических органов СССР в феврале 1930 г.,— что 10—15 лет, в которые мы входим в полосу генерального плана, являются действительностью совсем особого порядка, предвосхищение которых является делом величайшей трудности. Не рановато ли перехлестывать эту действительность скороспелыми обобщениями и математическими расчетами. Мы еще очень слабы именно в систематическом охвате действительности» [43]. Своеобразие действительности, «провалы в положительном знании» были существенным препятствием для применения экономико-математической модели Фельдмана, которая, как и всякий другой математический метод, характеризует количественную сторону явлений. «Математика,— подчеркивал Г. М. Кржижановский,— частенько дает нам возможность переброски мостов через те провалы, которые существуют в нашем положительном знании. Перебрасывать же спасительные мосты через те провалы в нашем познании окружающей нас исключительной действительности, той действительности, которая на наших

изводства на два раздела: раздел, служащий для производства предметов потребления, а также средств производства для поддержания предметов потребления на данном уровне (раздел П), и раздел, служащий для увеличения и замены морально устаревших производственных фондов (раздел У). Это деление вытекало из деления производства Марксом на простое и расширенное.

[43] *Кржижановский Г. М.* Проблемы построения генерального плана. М.: Плановое хозяйство, 1930, с. 4—5.

глазах превращает мелкое и мельчайшее в великое и движущее,— занятие вдвойне рискованное» [44].

Г. М. Кржижановский считал целесообразным совместить составление генплана с разработкой второй пятилетки. «Лучше проиграть во времени, но выиграть в качестве. А это качество будет выиграно лишь в том случае, когда мы работы по генеральному плану свяжем со второй пятилеткой»,— говорил он [45]. Связь со второй пятилеткой позволила бы показать, как скажутся результаты резкой ломки народнохозяйственной структуры в первую пятилетку на основных народнохозяйственных пропорциях и каковы закономерности движения основных народнохозяйственных показателей в реконструктивном периоде.

Комиссия же Ковалевского предложила явно нереальные варианты плана потому, что она не отделила закономерности восстановительного периода от закономерностей реконструктивного. Так, в отдельных вариантах норма накопления достигла неправдоподобной величины — 93,9%; 99,7%, среднегодовой прирост эффективности использования фондов намечался от 10 до 15%, соотношение между фондами и национальным доходом предполагалось 1 : 1,4. Правда, с помощью метода встречных последовательных приближений непригодные варианты должны были быть отброшены, но нагромождение фантастических вариантов не могло привести к выбору пригодного. Естественно, что разработки комиссии были раскритикованы и она прекратила свою деятельность.

3. Комиссия Г. И. Ломова (1931—1933 гг.)

Третья попытка составления генерального плана связана с программой работ по генеральному плану электрификации, которая была принята Президиумом Госплана СССР 25 февраля 1931 г. в связи с подготовкой к Всесоюзной электротехнической конференции [46]. Председателем Оргкомитета конференции был назначен заместитель председателя Госплана СССР Г. И. Ломов [47].

---

[44] *Кржижановский Г. М.* К дискуссии о генплане.— Плановое хозяйство, 1930, № 2, с. 19.

[45] *Кржижановский Г. М.* Проблемы построения генерального плана, с. 11.

[46] *Сорокин Г. М.* Проблемы воспроизводства и планирования социалистической экономики. М.: Наука, 1976, с. 208.

[47] *А. Ломов* (Оппоков Г. И.) (1888—1938 гг.) — член ВКП(б) с

Необходимость составления нового плана электрификации диктовалась, во-первых, тем, что план ГОЭЛРО к началу 30-х годов был выполнен, а по отдельным показателям перевыполнен, а, во-вторых, новые технические усовершенствования в области электротехники требовали и нового подхода к электрификации. Общие народнохозяйственные проблемы планирования комиссией Г. И. Ломова специально не рассматривались, предполагалось, что они разрабатываются в черновых вариантах второй пятилетки. Исключение составляет работа академика И. Г. Александрова, где предпринималась попытка комплексного подхода к планированию в единстве его социально-экономического и технического аспектов.

Работа по подготовке генерального плана электрификации проводилась в два этапа. Первый, подготовительный, продолжался с 25 февраля 1931 г. до созыва совещания по генплану электрификации в мае 1931 г., на котором была утверждена программа по всем секциям Оргкомитета и оформлен их состав. За февраль — май 1931 г. была установлена связь с местными плановыми органами и определен календарный срок работ. Проработка плана сосредоточивалась в девяти секциях.

С мая 1931 г. по май 1932 г. — второй этап работ — шла разработка отдельных проблем плана электрификации и составление самого плана. В это время состоялся ряд областных и краевых съездов энергетиков. Всесоюзная конференция в мае 1932 г. подвела итоги работ. На ней был утвержден список районных электростанций с указанием их мощности к 1937 г. Срок выполнения генерального плана намечался 10—13—15 лет. Конференция подвела также итоги состояния энергоресурсов на 1 января 1932 г. и определила масштабы внедрения электроэнергии в отдельные отрасли.

Материалы конференции были опубликованы в сводном труде, состоящем из 11 томов [48]. В материалах кон-

---

1903 г., профессиональный революционер. Занимал должности: члена Президиума и заместителя председателя ВСНХ, заместителя председателя Госплана СССР. Был членом ЦК КП(б) Белоруссии, кандидатом и членом ЦК ВКП(б) (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42. Примечания, с. 532).

[48] Генеральный план электрификации СССР. М.— Л.: Соцэкгиз, 1932.

ференции подчеркивалась необходимость применения электроэнергии в ранее почти не электрифицированных отраслях: на транспорте, в сельском хозяйстве, быту. Планируемые электростанции рассматривались как часть промышленных комплексов в новых индустриальных районах, связанных линиями передач высокого напряжения. Внедрение мощных агрегатов (100—150 тыс. квт), использование всех видов энергии, включая энергию ветра и солнца, комплексность использования электроэнергии, значительное увеличение роли газа в энергетическом балансе страны — таковы основные направления, предложенные конференцией на период действия генерального плана.

В целом материалы 11 томов больше касались технической стороны плана электрификации, чем его методологии. Вопросы методологии составления плана рассматривались в докладе академика И. Г. Александрова — «Методология составления плана электрификации» и частично в докладе академика А. Ф. Иоффе — «Энергетические проблемы, выдвигаемые современной наукой», в котором прогноз научно-технического прогресса выдвигался в качестве необходимой предпосылки составления генерального плана. В основном же в методологических установках комиссия Ломова опиралась на черновые варианты второй пятилетки, составление которых хронологически совпадало с разработкой генерального плана электрификации. Эти черновые варианты отличались от конечного варианта плана не только по большинству показателей, но и методологически. Злоупотребление методом экстраполяции привело к нереальности многих показателей как в черновых вариантах второй пятилетки, так и в новом плане электрификации.

В период подготовки нового генерального плана электрификации проводилась Первая Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы (1931). Материалы этой конференции во многом перекликаются с материалами Всесоюзной электротехнической конференции. Такие ученые, как И. Г. Александров, А. Ф. Иоффе, А. М. Фрумкин, принимали активное участие в обеих конференциях. Необходимость планирования научно-исследовательской работы диктовалась практикой. Если в первую пятилетку происходило количественное наращивание техники, то во вторую пятилетку все большие тре-

бования стали предъявляться к качественным показателям, планирование которых возможно лишь на основе научного предвидения развития техники. Сама основа долгосрочного плана, его стратегический характер, большая чем в текущем планировании возможность оторваться от исходного уровня и ориентироваться на будущее, неразрывно связана с планированием науки.

Насущная задача планирования научно-исследовательской работы заключалась в том, чтобы прежде всего учесть технически возможные результаты, которые уже с достаточной достоверностью обеспечены наукой. Этот момент подчеркнул А. Ф. Иоффе в докладе «Новые проблемы научно-исследовательской работы в физике»[49]. Выполнить данную задачу, по мнению Г. М. Кржижановского, можно было «лишь располагая линию научно-исследовательских работ по основным рубрикам нашего социалистического планирования[50].

Работа над генеральным планом электрификации и второй пятилеткой позволила четко сформулировать программу научных работ, связанных с развитием народного хозяйства. Эта программа включала разработку следующих проблем: поиски полезных ископаемых, создание мощной энергетической системы, газификация страны, разрешение проблемы моторного топлива, проблемы автоматики и телемеханики[51].

Однако проект генплана, как и начальные варианты второй пятилетки, оказались нереальными. Главная причина этого заключалась в том, что темпы первой пятилетки механически экстраполировались на будущее, без учета факторов их обусловливающих.

*

Деятельность трех комиссий по составлению генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов способствовала совершенствованию организации планирования. Укре-

---

[49] Первая Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, вып. V. М.— Л.: Соцэкгиз, 1931, с. 3—4.
[50] Первая Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, вып. II. М.— Л.: Соцэкгиз, 1931, с. 12.
[51] Эта программа была изложена в 1936 г. на сессии АН СССР Г. М. Кржижановским (История СССР с древнейших времен до наших дней в двух сериях, 12-ти томах), т. 9. М.: Наука, 1971, с. 257.

пились органы планирования партийными кадрами[52], к планированию были привлечены специалисты различных областей науки и техники, план широко обсуждался. Однако попытки составления генплана в тот период не увенчались успехом. Общей причиной такого положения был некомплексный подход к его составлению. Учитывая ошибки предшествующей комиссии, каждая последующая сосредоточивала внимание на ее «больных местах». Критикуя чисто отраслевой подход к плану комиссии Осадчего, комиссия Ковалевского предложила народнохозяйственный подход к нему, и в связи с этим — метод моделирования, но предложения комиссии Ковалевского не были подкреплены технико-экономическими расчетами, над которыми уже работала комиссия Ломова. Выбор того или иного аспекта плана предопределялся как «злобой дня», так и составом комиссий. Причины неудач каждой комиссии в отдельности коренились прежде всего в несовершенной методологии, используемой при разработке планов.

---

52 Если в 1924 г. члены и кандидаты в члены ВКП(б) составляли лишь 10% от общего числа сотрудников Госплана, то в 1930 г. их уже было 29,9%, а в 1931 г.— 40,3%.

Глава вторая

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВОК ПО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ В КОНЦЕ 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

1. Дискуссии по методологии перспективного планирования в СССР в 20-е — 30-е годы (общий обзор)

Становление социалистического планирования проходило в острых дискуссиях. Основными вопросами, по которым шли дискуссии, были следующие: социально-экономическое содержание плана и механизм его выполнения, основное звено плана, темпы и пропорции развития общественного производства, определение эффективности общественного производства, критерии эффективности.

Дискуссии по методологии составления народнохозяйственного плана начались одновременно с его подготовкой. В 1920 г. после накопления некоторого опыта в разработке промышленных, строительных и местных планов была организована комиссия под руководством Г. М. Кржижановского для составления единого хозяйственного плана ГОЭЛРО. В число основных методологических принципов формирования плана закладывалось определение социально-экономической программы развития хозяйства и выделение основного звена программы. Этому принципу отдельные экономисты противопоставляли «целесообразное расходование сил по многим направлениям, определенную необходимую пропорциональность» [1], «закон цепной связи» [2]. В. И. Ленин назвал их рассуждения схоластикой, далекой от живого дела [3].

Таким же далеким от живого дела был проект восстановления промышленности, предложенный буржуазным ученым В. И. Гриневецким. Гриневецкий считал, что будущее России связано с мелкобуржуазным строем, неизбежным для крестьянской страны. Основную задачу эко-

---

[1] *Крицман Л.* О хозяйственном плане.— Экономическая жизнь, 1920, 14 дек.

[2] *Ларин Ю.* Методы разработки единого хозяйственного плана.— Экономическая жизнь, 1921, 20 фев.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 339.

номического возрождения и развития России он видел в привлечении иностранных капиталов, без которых, по его мнению, не могла быть решена задача развития производительных сил. Все это диктовалось, как он полагал, «реальной обстановкой, на которую должна опираться выработка общегосударственной экономической программы». Задачу построения социализма автор характеризовал как «идеологию», «реальная же обстановка» указывала якобы путь к капитализму [4]. В противовес этому плану в плане ГОЭЛРО ниспровержение старого строя было отправной точкой в плановых построениях. Утверждение и выполнение плана ГОЭЛРО показало всю ограниченность буржуазных ученых. План ГОЭЛРО на деле стал планом построения социализма.

Вопрос об исходном моменте плана относился к числу ведущих в дискуссиях 20—30-х годов. Одни экономисты, например Л. Крицман, полагали, что развивать хозяйство, не нарушая «необходимой пропорциональности», можно только обеспечивая одинаковые темпы роста всех отраслей. Другие, например В. Милютин, предлагали исходить из удовлетворения спроса на товары широкого потребления. Эти предложения не соответствовали задаче строительства социализма. Будущее страны и ее международное положение требовали форсированного развития тяжелой и оборонной промышленности.

Единственно верной в той обстановке была методология составления плана ГОЭЛРО, исходившая из принципа выделения основного звена, которым тогда явилась энергетика как база индустриализации народного хозяйства. Уже позже, в 1929 г., при уточнении плана ГОЭЛРО, данный принцип вновь дискутировался. Некоторые экономисты опять предлагали ведущим звеном плана считать «все производство в целом». По существу эту же позицию занимал Бессонов, предлагавший ведущим считать машиностроение на том основании, что сама энергетика зависит от машиностроения, забывая, видимо, что развитие машиностроения невозможно без развития других отраслей. Неконкретный подход к составлению плана приводил к идеалистическим определениям основного звена. Основой всех этих установок было непонима-

---

[4] *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. Изд-во Всероссийский центральный союз потребительных обществ, 1919, с. 75, 133, 182.

ние объективной сущности основного звена на каждом данном историческом этапе.

Конкретные экономические процессы вызывали дискуссии по отдельным вопросам методологии планирования. Нэп, предоставление некоторой свободы частному капиталу, а значит и рыночные формы хозяйства привели к возникновению идеи рыночного регулирования. Экономисты, выражавшие мелкобуржуазные и буржуазные взгляды, считали, что в основе планирования должен лежать принцип равновесия товарно-денежного хозяйства.

Раскрывая политическую сторону буржуазных концепций, С. Г. Струмилин писал: «Так же как мы, они отлично понимали, что нэп представляет собой на основе рыночных отношений широкое поле соревнования элементов капитализма и социализма. Но, если мы в этом соревновании ставили ставку на преодоление рыночной стихии планом, то они, наоборот, все свои надежды возлагали на расширение границ нэпа и ограничение самого плана властью рыночной стихии, „химически выделяющей из себя ростки капитализма“» [5].

Проблема соотношения плана и рынка специально рассматривалась XI и XIII партконференциями, XII и XIII съездами РКП(б). В резолюции XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.) указывалось, что переход к нэпу означает обязанность государства предоставлять «отдельным предприятиям необходимую свободу хозяйственной деятельности на рынке, не пытаясь заменить ее административным усмотрением. Но если каждый трест для успеха своей работы должен чувствовать себя свободно ориентирующимся и несущим полноту ответственности за свою работу, то, с другой стороны, государство должно видеть в трестах и в других объединениях свои служебные органы, при помощи которых оно прощупывает рынок в целом и тем делает возможным ряд практических мероприятий, превосходящих рыночную ориентировку отдельных предприятий или объединений» [6]. Таким образом, партия указывала на конкретные пути использования рынка и преодоления его стихии.

---

[5] *Струмилин С. Г.* Избранные произведения, т. 2. М.: АН СССР, 1965, с. 177.

[6] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967), т. 1. М.: Политиздат, 1967, с. 349.

Троцкисты, в свою очередь, полностью отрицали действия закона стоимости при социализме и требовали административными методами ввести планирование. Некоторые из них выдвигали в качестве регулятора переходной экономики два закона: ценности и первоначального социалистического накопления. Отрицая действие закона стоимости для развитого социализма, они делили все хозяйство на две сферы: государственную и крестьянскую. Последняя и представляла якобы основу для действия закона стоимости, который понимался как закон спроса и предложения.

В тесной связи с проблемой «план и рынок» находился другой важнейший вопрос планирования: вопрос о соотношении объективности действующих законов и возможности целевых установок в планировании. В. Базаров сводил этот вопрос к соотношению между генетикой и телеологией. Он считал, что план развития основных отраслей промышленности строится телеологически, план же сельского хозяйства — генетически. В то же время сельское хозяйство меньше промышленности деформировано войной и революцией и поэтому может дать достаточно «надежные коэффициенты». «Следовательно,— писал далее автор,— генетически выведенный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективным планом отдельные отрасли промышленности». Таким образом, в конечном счете все сводилось к генетике.

На дискуссии 1928 г. по методологии планирования Базаров отказался от такой резкой формулировки, объясняя ее спецификой времени. Однако он так и не понял, что изучать объективные тенденции развития хозяйства и экстраполировать их на будущее можно и не задаваясь целевыми установками, а вот постановка цели требует знаний об объективных тенденциях развития и его прогноза на будущее. Сторонники базаровского подхода к методологии планирования в конце концов сводили планирование к прогнозу и лишали план директивности.

Основным методом изучения тенденций развития хозяйства вне зависимости от его социальной формы В. Г. Громан считал «установление эмпирических законов статики и динамики народного хозяйства, законов, уста-

навливаемых статистикой при помощи теорем политэкономии». Громан подменял базаровскую генетику статистикой и не учитывал, что отнюдь не всякая зависимость является характерной, постоянной и устойчивой. Если изучать экономику только с помощью сравнения статистических рядов, то велика опасность случайную связь принять за закономерность. Кроме того, такая установка требует в качестве исходной базы изучение сложившихся пропорций, а их можно было найти тогда только в дореволюционном хозяйстве. Именно достижение этих пропорций, а не их ломку считал Громан целью хозяйственного развития. «Подвижное равновесие» выдвигалось им в качестве «высшего постулата» хозяйственного развития, а план сводился к балансу.

Закон восстановительного процесса по В. Г. Громану заключался в том, «что народное хозяйство стихийно, органически стремится в максимально короткий срок достигнуть довоенных размеров и основных довоенных пропорций, и лишь непреодолимые препятствия естественного порядка как, например, неурожай и — организационного порядка, т. е. неумение справиться, освоить все производительные силы, не позволяет сделать это в один год» [7].

Критикуя данную позицию, Н. Вознесенский писал: «Воспроизводство не есть равновесие; это — движение, осуществляемое в противоречиях, в острой классовой борьбе. Баланс является моментом этого движения, причем отнюдь не неизменным. Баланс, будучи составлен как часть социалистического плана, должен обнаруживать «узкие места» не для того, чтобы к ним приспосабливаться, а для того, чтобы эти «узкие места» преодолевать, т. е. вести активную борьбу за их устранение, за укрепление социалистических пропорций. Следовательно, ведущим началом является социалистический план, а баланс лишь момент борьбы за план, обеспечивающий построение новых социалистических пропорций и создающих условия для правильного оперативного руководства процессом производства» [8].

Позиция советских экономистов отличалась от пози-

---

[7] Плановое хозяйство, 1925, № 8, с. 128.
[8] *Вознесенский Н.* К вопросу об экономике социализма.— Большевик, 1932, № 1—2, с. 42.

ции буржуазных специалистов прежде всего стремлением активно воздействовать на действительность, поэтому директивность выдвигалась ими как обязательный момент плана. Пассивное же воспроизведение соотношений капиталистической экономики не нуждалось в директивности планирования. Оно являлось основой концепции плана-прогноза, наиболее полно изложенной в работах Н. Кондратьева, который план рассматривал как выражение «желательных результатов хозяйственного строительства в рамках возможного». При рассмотрении методологии плана Кондратьев предложил остановиться на тех вопросах, которые связаны с проблемой предвидения и его пределов. Буржуазный специалист предлагал рассмотреть типы прогнозов для различных областей знания вообще и экономики в частности и использовать в качестве образца методологию Гарвардского экономического бюро по предвидению фаз капиталистического цикла. Специалисты, стоявшие на этих позициях, настаивали на «обязательном обосновании перспектив на данных объективной действительности и тенденций ее стихийного хода». Причем в качестве объективной действительности брались довоенные соотношения, т. е. капиталистические пропорции производства.

Доказательством порочности методологии, предложенной Н. Кондратьевым для строительства социализма, является план развития сельского хозяйства, составленный под его руководством в Наркомземе (1925 г.), в котором предлагалось пойти по линии укрепления «крепких» (т. е. кулацких) хозяйств и за счет накоплений в сельском хозяйстве осуществлять накопление в промышленности. Образцом крупного хозяйства выдвигался американо-фермерский тип. Глубокую и обобщающую критику сельскохозяйственного плана и других неудачных попыток планирования дал С. Г. Струмилин в работе «Первые опыты перспективного планирования». С. Г. Струмилин характеризовал методологию этих планов как «крайний эмпиризм», экстраполяцию «стихийного роста» за прошлые годы на будущее время с весьма проблематичными поправками к нему на «основе экспертных оценок, касающихся емкости рынка». С. Г. Струмилин справедливо утверждал, что в области идеологии этих плановых опытов чувствуется совершенно определенная установка составителей не столько на восстановление довоенных

масштабов, сколько на реставрацию довоенных общественных отношений в народном хозяйстве страны»[9].

В борьбе с концепцией плана-прогноза складывалась методология директивного планирования. Важную роль в ее становлении сыграли работы Г. М. Кржижановского и С. Г. Струмилина, непосредственно связанные с их конкретной деятельностью по руководству работой Госплана. В этих работах раскрывалась основа директивного планирования, разрешалось свойственное концепции плана-прогноза противоречие между объективностью хозяйственных процессов и директивностью плановых заданий.

Г. М. Кржижановский указывал, что основой директивы в плане являются власть и командные высоты экономики в руках пролетариата. Он определял плановое хозяйство, как хозяйство, «в котором в максимальной мере должны быть выражены учет, предвидение и сознательная воля всего того коллектива, интересы которого мы представляем»[10]. Г. М. Кржижановский одним из первых предпринял попытку определить соотношение между товарно-денежными отношениями и планомерностью в долгосрочном плане. В своей работе «Госплан за два года» (1923 г.) Г. М. Кржижановский, обобщая еще незначительный опыт работы Госплана, выдвинул следующее положение: «У нас,— писал он,— все более и более нарастает уверенность в целесообразности оперирования двояким методом: с одной стороны — путем прощупывания емкости рынка, рыночных цен и коммерчески правильной постановке учета и прибыльности данного производства, с другой — учетом данных специального технико-экономического анализа, долженствующего выявить относительную роль этого производства в экономике, связанных с ним горизонтально и вертикально других подразделений хозяйства, и при том в строго определенных координатах времени. Тем самым, мы шаг за шагом продвигаемся вперед к такому нащупыванию соотношений между различными отраслями нашего хозяйства, которое только одно может обеспечить нам в дальнейшем возможность не только видеть и маневрировать, но предвидеть и дирижировать»[11].

---

[9] *Струмилин С. Г.* Избранные произведения, т. 2, с. 208.
[10] *Кржижановский Г. М.* Соч., т. 2. М.— Л., 1934, с. 146.
[11] Бюллетень Госплана, 1923, № 3—4, с. 7—8.

С. Г. Струмилин указывал на конкретные формы состязания с рыночной стихией. В статье, посвященной седьмой годовщине Советской власти, он писал: «...мы отнюдь не собираемся «отменять» нэп, ибо считаем себя достаточно вооруженными, чтобы гораздо успешнее преодолеть его отрицательные стороны экономически». «...Пролетариат может и должен овладеть средствами производства и организовать их на плановых началах теми же методами, какими устраняет своих конкурентов любой финансовый концерн, т. е. противопоставляя неорганизованной стихии мелких товаропроизводителей и торговцев высшие формы организации труда и производства и выявляя перед ними на рынке все преимущества этих форм перед всякими иными» [12].

Таким образом, позиции советских экономистов, являясь теоретически обоснованными, отличались целенаправленностью. В их понимании плана директивность не только не противопоставлялась товарно-денежным отношениям, но указывались пути конкретного использования последних в планировании. Товарно-денежные отношения — не есть синоним стихийного действия рынка,— вот что утверждали большинство экономистов-марксистов того периода. «В планировании мы опираемся,— писал А. Мендельсон,— на реально существующие экономические категории, имеющие явно выраженный стоимостной характер... Мы не должны подставлять вместо реальных данностей фикции, а опереться на эти данности, несмотря на их «родимые пятна», и, познав их в движении, направлять соответственным образом» [13]. Активное воздействие на действительность, а не равнодушное описание ее являлось основным отличием марксистского направления в вопросах планирования от буржуазного.

Директивность, адресность заданий — таково основное отличие плана от прогноза. Это стало ясно уже в дискуссиях 20—30-х годов.

*

В годы напряженной классовой борьбы обсуждение методологии планирования сводилось фактически к обсужде-

---

[12] *Струмилин С. Г.* Плановые проблемы и достижения.— Экономическая жизнь, 1924, 7 нояб.

[13] *Мендельсон А.* Категория стоимости в условиях переходного периода.— Плановое хозяйство, 1927, № 6, с. 132.

нию вопроса о возможности и путях построения социализма в одной стране. Основной проблемой, которая тогда дискутировалась, была проблема темпов развития народного хозяйства и его источников. Вплоть до 30-х годов ленинскому плану построения социализма противостояли два течения — мелкобуржуазное, левацкое, представленное в основном в работах Л. Троцкого и Е. Преображенского, стоявшего за «сверхвысокие темпы» развития промышленности, и буржуазное, взявшее на вооружение теорию «затухающей кривой», выдвинутую Троцким. «Закон первоначального социалистического накопления» выдвигался Преображенским как первое условие хозяйственного равновесия.

На дискуссии в Комакадемии это течение резко критиковали В. Мотылев, А. Кармалитов, Г. Крумин, К. Бутаев, Р. Вайсберг, Л. Леонтьев, В. Милютин, С. Струмилин. Советские экономисты указывали на то, что схема Преображенского объединяет в одно целое кулаков, середняков и бедняков, им якобы противостоит объединение социалистического и капиталистического секторов промышленности и торговли, которые заинтересованы в неэквивалентном обмене. На самом деле неэквивалентный обмен — неизбежное зло капитализма. Задача заключалась в ликвидации этого наследия, а не в его углублении. Теория Преображенского была направлена против коллективизации, которая неизбежно подрывала неэквивалентный обмен.

Троцкий, выступая с теорией «сверхвысоких» или «сверхиндустриальных темпов», также предлагал осуществлять их за счет максимальной перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность и повышения цен.

XII съезд партии (1923 г.) специально рассмотрел вопрос о соотношении развития промышленности и сельского хозяйства и указал на источник развития промышленности. В резолюции съезда отмечалось, что промышленность, живущая за счет сельского хозяйства, не может создать «устойчивой и длительной опоры для пролетарской диктатуры. Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости есть вопрос о судьбе Советской власти, т. е. судьбе пролетариата» [14].

[14] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М.: Политиздат, 1970, с. 412.

Буржуазные экономисты по проблеме темпов поддерживали теорию В. А. Базарова. Высокие темпы восстановительного периода Базаров считал временным явлением и объяснял их тем, что в этот период была использована существующая в капиталистической России и вообще в капиталистических странах разница между экономически предельной и технически возможной нагрузкой предприятий. В дальнейшем, по его мнению, неизбежно «затухание темпов». Показательно, что несмотря на отличие отдельных установок буржуазное и троцкистское направления были едины в отрицании преимуществ социализма.

В вопросах темпов, источников и факторов роста народного хозяйства к буржуазному направлению была близка правая оппозиция. Представители этого направления обусловливали темпы развития промышленности первоочередным ростом сельского хозяйства, способного обеспечить накопление за счет индивидуального крестьянского хозяйства. Свою позицию они обосновывали неограниченностью рабочей силы в сельском хозяйстве, широким рынком сбыта сельскохозяйственных товаров и низкой фондоемкостью сельскохозяйственной продукции. Зависимость темпов роста от производственного накопления была бесспорной для всех экономистов. Поэтому обоснование величины темпов выливалось в изыскание источников формирования производственного накопления.

Экономисты марксистского направления исходили прежде всего из обусловленности высоких темпов исторической обстановкой развития Советского государства. Уровень индустриального развития страны и наличие хозяйственных диспропорций, необходимость скорейшего обеспечения экономической самостоятельности в условиях, когда СССР был единственной страной диктатуры пролетариата среди враждебного капиталистического окружения, превращала проблему темпов в вопрос «жизни и смерти» молодого Советского государства.

Говоря о необходимости высоких темпов развития, советские экономисты подчеркивали возможность их осуществления благодаря концентрации в руках пролетарского государства всех ресурсов социалистического сектора. Эти ресурсы, говорили они, сосредоточиваются на решающих участках, а план направляет развитие всего хозяйства по единой воле. Они видели большие преимущества в области концентрации и централизации основ-

ных фондов, ликвидации хронической недогрузки мощностей, свойственных капитализму. Если буржуазные экономисты рассматривали в качестве основной предпосылки высоких темпов уровень развития производительных сил страны, то экономисты-марксисты подчеркивали их обусловленность целым рядом моментов и прежде всего общественно-экономическим строем. «В темпе хозяйственного развития,— писал В. Мотылев,— скрещивается и проявляется действие всей совокупности социально-экономических условий данной системы хозяйства и данной страны» [15]. На односторонность абсолютизации исходного уровня развития производства указывал и А. Виткуп: «... при одной и той же наличной массе средств производства и рабочей силы темпы и тип развития народного хозяйства может быть совершенно отличен» [16].

Экономисты марксистского направления не отрицали влияния уровня развития страны на его рост, но выступали против абсолютизации этого момента. А. Кон, например, к числу условий, влияющих на темпы роста народного хозяйства, справедливо относил кроме уровня развития производительных сил характер воспроизводства, темпы накопления и в связи с этим норму прибавочного продукта, норму накопления, распределение накопляемой части прибавочного продукта [17].

Большую роль в становлении теории темпов роста советского хозяйства в 20—30-е годы сыграла работа В. Е. Мотылева «Проблема темпа развития СССР». Он доказывал возможность таких темпов развития народного хозяйства СССР, которые превышали бы темпы развития США. Мотылев исходил из того, что в СССР так же, как и в США, благоприятные географические условия, в хозяйстве СССР отсутствуют выкупные и арендные платежи. Причем если действие последнего фактора в США начало ослабевать в последней четверти XIX века в связи с ростом цены земли и земельной ренты, то в СССР действие этого фактора будет нарастать по мере изживания «ножниц цен», которые «съедали» некоторую часть

---

[15] *Мотылев В. Е.* Проблема темпа развития СССР. М.: Изд-во Комакадемии, 1929, с. 13.

[16] *Виткуп А.* Проблемы воспроизводства в СССР и баланс народного хозяйства.— Плановое хозяйство, 1929, № 7, с. 179.

[17] *Кон А.* О содержании понятия «равновесие производства».— Проблемы экономики, 1929, № 1, с. 17.

выигрыша крестьянства от отмены арендных платежей. СССР обладал и еще одним преимуществом — индустриализация в стране осуществлялась на основе последних достижений технической мысли. Национализация же промышленности, банков, железных дорог обеспечивала использование всего прибавочного продукта в интересах пролетарского государства, что усилило источник накопления и дало возможность ускорять технический прогресс.

В СССР обеспечивался постоянный рост емкости внутреннего рынка в связи с плановым проведением индустриализации и ростом заработной платы. Плановое регулирование обеспечивало в СССР устойчивый рост хозяйства. Важнейшим преимуществом СССР являлся политический строй, способствующий развитию творческой инициативы масс и стимулирующий народное образование. Концентрация всех полезных ископаемых и источников энергии в руках государства создавала возможность рационально и экономно использовать естественные богатства страны.

Советские ученые понимали, что преимущества социалистической системы в осуществлении высоких темпов развития реализуются не механически, а требуют громадного напряжения. В. Е. Мотылев подчеркивал, что «курс на ограничение разделения труда с мировым хозяйством вовсе не означает отказа от расширения с ним хозяйственных связей. Он требует лишь, чтобы связи эти развивались в такой форме, которая усиливает экономическую самостоятельность СССР, его экономическую независимость» [18]. Данное высказывание было направлено против троцкистских взглядов, пророчивших гибель советского хозяйства в условиях изоляции от мирового хозяйства.

Приступая к планированию темпов развития экономики страны в первом пятилетнем плане, советские экономисты исходили из того, что высокие темпы восстановительного периода нельзя объяснять только «восстановительными возможностями». В этом сыграли важную роль и особенности складывающегося социалистического хозяйства. Сущность восстановительного периода заключалась не только в достижении довоенных пропорций, как

---

[18] *Мотылев В. Е.* Проблема темпа развития СССР, с. 91.

считали Громан, Базаров и другие, но и в формировании условий развития нового строя.

Переход от восстановления к реконструкции вызвал некоторое замедление темпов развития страны. Экономисты-марксисты подробно рассмотрели причины снижения темпов при переходе от восстановления к реконструкции и выделили из них две основные: изменения «в неблагоприятную сторону соотношения между капитальными затратами и продукцией» [19] и отставание темпов роста сельскохозяйственной продукции от промышленной. На дискуссии 1926 г. по проблеме диспропорций А. Пашков говорил о наличии диспропорций и внутри самой промышленности, разрешить которые можно только путем индустриализации [20]. Отличие темпов развития промышленности от темпов развития сельского хозяйства выражало, как указывал А. Кактынь, различие в темпах развития обобществленного и необобществленного секторов народного хозяйства. Выход из создавшегося положения марксисты видели в коллективизации [21]. Экономисты-марксисты решительно отвергали предложения о замедлении темпов развития промышленности с целью ликвидировать возникшую диспропорцию. Задача хозяйственного развития «состоит не в том,— писал М. Бронский,— чтобы правильнее распределить материальные ресурсы нашей страны между промышленностью и сельским хозяйством (т. е. не в сокращении темпа промышленного строительства, как провозглашал Бухарин в «Заметках экономиста»), а в том, чтобы изменить частнокапиталистический характер мелкого крестьянского хозяйства, заменить его социалистическим методом хозяйствования» [22]. Решением этой проблемы они считали удовлетворение спроса на средства производства в сельском хозяйстве, что также было связано с индустриализацией [23].

Обосновывая необходимость высоких темпов экономического развития страны, экономисты-марксисты рассмат-

---

[19] *Крумин Г.* Постановление XIV съезда ВКП(б) и «платформа оппозиции».— Экономическое обозрение, 1926, № 1, с. 1.

[20] Вестник Коммунистической академии, 1926, № 16, с. 230.

[21] *Кактынь А.* Перспективы предстоящего хозяйственного года.— Большевик, 1928, № 20, с. 20.

[22] *Бронский М.* На новом этапе.— Социалистическое хозяйство, 1929, № 6, с. 8.

[23] *Кактынь А.* Перспективы предстоящего хозяйственного года.— Большевик, 1928, № 20, с. 27.

ривали их не как самоцель, а как необходимое в сложившихся условиях средство для построения социализма. «Если мы,— писал С. Г. Струмилин,— в порядке хозяйственной предусмотрительности готовы увеличить затраты труда или сократить свое личное потребление ради производственного накопления на сегодня, то лишь постольку, поскольку это накопление гарантирует нам сокращение труда или расширенное потребление на завтра и послезавтра» [24].

Экономисты-марксисты решительно отвергали троцкистские методы наращивания темпов: «высасывание соков из крестьянской периферии», ослабление монополии внешней торговли. «В хозяйстве СССР действительны лишь такие методы ускорения темпа,— писал В. Мотылев,— которые могут ускорить не только расширенное воспроизводство материальных ценностей, но и расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений» [25]. На дискуссии в Коммунистической академии по проблеме диспропорций и темпов хозяйственного развития СССР (1926 г.) основной докладчик В. П. Милютин подчеркнул, что при определении темпа экономического развития следует базироваться на внутренних ресурсах, на емкости внутреннего рынка, на резервах, которые дает промышленность [26].

Разрабатывая теорию темпов экономического роста, большинство советских экономистов 20—30-х годов пришли к выводу о необходимости поддержания постоянного высокого темпа роста не только на всех этапах строительства социализма, но и после его завершения. Важнейшее преимущество социалистического управления, подчеркивали они, состоит в том, что оно может сознательно и планомерно в масштабах всего государства организовать ведение хозяйства. Буржуазные же экономисты считали, что высокие темпы развития страны связаны лишь с возможностью использовать имеющиеся мощности, что все зависит от «восстановительных возможностей» страны. Односторонность этой позиции была еще раз историче-

---

[24] *Струмилин С. Г.* К проблеме эффективности капитальных вложений.— Плановое хозяйство, 1929, № 7, с. 59.
[25] *Мотылев В. Е.* Проблема темпа развития СССР, с. 10.
[26] *Милютин В. П.* О проблеме диспропорции в темпе хозяйственного развития в СССР.— Вестник Коммунистической академии, № 16, с. 225.

ски доказана после второй мировой войны, когда темпы наращивания промышленной продукции в капиталистических странах, исключая Японию, не превышали в основном 10%, а в социалистических странах этот показатель был вдвое выше [27–28].

Проблема темпов развития народного хозяйства неотделима от проблемы эффективности общественного производства — важнейшего источника экономического роста. Вопросы эффективности общественного производства как эффективности функционирования всей социально-экономической системы были подняты сразу же после победы Октябрьской революции. В плане ГОЭЛРО максимальная производительность труда определялась как «достижение наибольших результатов при наименьших усилиях» [29]. План ГОЭЛРО заложил основы методологии расчета эффективности общественного производства, которая основывалась на ведущей роли технического прогресса в экономике страны. В плане была предложена балансовая увязка между общественными потребностями и количеством ресурсов для осуществления технического вооружения хозяйства.

Насущные задачи каждого этапа социалистического строительства выдвигали на повестку дня тот или иной аспект эффективности общественного производства. В период индустриализации особенно остро стоял вопрос об эффективности использования капитальных вложений.

Советские экономисты предложили несколько определений эффективности. Правда, среди этих экономистов были и такие, которые характеризовали эффективность как понятие, «не имеющее ничего общего с марксизмом» [30]. Многие советские ученые отождествляли эффективность капитальных вложений с народнохозяйственной эффективностью. Односторонность подобных установок была связана прежде всего с новизной проблемы, невозможностью сразу охватить все ее аспекты.

По общему определению эффективность капитальных вложений — это прежде всего «сумма результатов (ито-

---

[27–28] Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. М.: Госстатиздат, 1959, с. 62—63; Планы развития народного хозяйства стран народной демократии. М.: ИЛ, 1962, с. 168, 269, 105.

[29] План электрификации РСФСР. М.: Госполитиздат, 1955, с. 34.

[30] См.: Обсуждение генерального плана — выступления П. Савчука, А. Кона, Л. Эвентова.— Плановое хозяйство, 1930, № 3.

гов, последствий, эффекта) от какой-либо затраты капитального вложения или мероприятия»[31]. Я. Розенфельд попытался дать более точное определение эффективности капитальных вложений: «численное выражение соотношения между тем достижением, которое приносит вложение капитала в то или иное хозяйственное предприятие, и теми затратами, которые для этого сделаны»[32]. В статье «К проблеме эффективности капитальных затрат» С. Г. Струмилин писал, что эффективность капитальных затрат должна определяться тем, насколько самоограничение потребления сегодня даст суммарный эффект для всего населения в течение жизни одного поколения[33]. Он предложил также конкретный расчет «дифференциальной эффективности» для первой пятилетки. «Дифференциальная эффективность» определялась им как прирост эффективности новых затрат по сравнению с нормой эффективности действующих вложений, представляющей собой частное от деления экономии в труде, которую сулят данные вложения, на сумму этих вложений. Сумма вложений была пересчитана С. Г. Струмилиным в их «реальное трудовое значение», т. е. выражена числом часов труда, затраченных на их производство. По этому расчету получалось, что каждый час труда, затраченный в течение пятилетки в сфере накопления, обеспечит возможность сберечь или использовать производительно на различные нужды не менее 2,3 часа в последующие пятилетия. С учетом непроизводственных капитальных вложений и непроизводственного труда этот показатель составлял, по подсчетам С. Г. Струмилина, 1,75 часа[34].

Вопрос о показателях эффективности капитальных вложений не был решен в результате дискуссий 20-х годов. Однако в результате обсуждений ученые пришли к выводу о необходимости применения системы показателей эффективности и отведения в ней главного места росту

---

[31] *Барун М.* Об эффективности капитального строительства в промышленности.— Проблемы индустриализации, 1929, № 3, с. 13—14.

[32] *Розенфельд Я.* Проблема исчисления эффективности капитальных вложений в советской промышленности.— Пути индустриализации, 1929, № 20, с. 9.

[33] *Струмилин С. Г.* На плановом фронте. М.: Госполитиздат, 1958, с. 581—582.

[34] *Струмилин С. Г.* На плановом фронте, с. 592, 598.

производительности труда. В «Материалах к изучению эффективности капитальных вложений в промышленность» предлагались такие показатели: производительность труда, себестоимость, оборот капитала[35]. Я. Розенфельд дополнил этот перечень такими показателями, как фондоотдача, рост доходности, экономия на издержках производства.

Многие экономисты предлагали свести несколько показателей эффективности в единый с помощью математической формулы[36]. Показатель фондоотдачи вызвал наибольшие споры и нередко противопоставлялся показателю производительности труда.

Интересная дискуссия о тенденциях фондоотдачи в условиях технической реконструкции развернулась между М. Н. Смит и В. П. Красовским. М. Н. Смит утверждала, что результат политики капвложений, выражающийся в бурном росте органического строения, не мог не вызвать уменьшение капитало-фондоотдачи $(v_1+m_1)/c_1$ всегда больше, чем $(v_2+m_2)/c_2$[37].

В. П. Красовский считал, что ускорение по сравнению с капитализмом темпа роста органического строения капитала не только не связано с закономерным уменьшением отношения массы потребительных стоимостей к мощности производственного аппарата, но и рост последнего неизбежно вызывает «еще большее изобилие общественного объема результатов каждого цикла воспроизводства[38].

В настоящее время показатель фондоотдачи широко применяется в практике планирования, поэтому, на наш взгляд, подробное рассмотрение дискуссий 20—30-х го-

---

[35] Материалы к изучению эффективности капитальных вложений в промышленность. М., 1930.

[36] Р. Гольдберг предложил, например, следующую формулу: $r^2=p^2/cw$, где p — продукция, c — фонды, w — число рабочих (См. *Гольдберг Р.* О методах исчисления эффективности капитальных вложений и пути индустриализации, 1929, № 11). Более сложную формулу вывел Г. Руденко: $r=p/c/\pi+w$, где π — число лет, за которые амортизируются фонды c, w — годовая зарплата производственных рабочих, т. е. $c/\pi+w$ это затраты общественного труда на выпуск p единиц продукции (*Руденко Г.* К вопросу об эффективном вложении в промышленность проблемы экономики, 1930, № 6).

[37] *Смит М.* К вопросу об учете эффективности капитальных вложений.— Проблемы экономики, 1930, № 2, с. 13.

[38] *Красовский В.* Новый вариант затухающей кривой.— Пути индустриализации, 1930, № 19, с. 33.

дов имеет большое значение в развитии проблемы определения эффективности общественного производства. Споры, проходившие в 20-х годах, о тенденциях фондоотдачи при социализме были отражением дискуссий о практическом направлении политики в области индустриализации, где столкнулись сторонники капиталоемкого и капиталосберегающего типов технического прогресса. Однако в дискуссиях 20-х годов вопрос о связи тенденции фондоотдачи с формой технического прогресса не был поставлен достаточно остро. Конкретная постановка его относится к более позднему периоду [39].

Тот или иной критерий эффективности в 20-х годах часто рассматривался в связи с какой-то одной проблемой социалистического строительства в отрыве от других. Так, в связи с проблемой безработицы П. П. Маслов предложил в качестве показателя народнохозяйственной эффективности сравнительную трудоемкость капитальных вложений. Сущность этого критерия заключалась в том, что эффективными признавались наиболее трудоемкие затраты в плотно населенных земледельческих районах с избытком рабочей силы, и наименее трудоемкие — в тех районах, где рабочей силы не хватало [40]. Неприемлемость этой концепции была связана с тем, что подобное распределение капитальных вложений привело бы к сохранению имеющейся структуры производства. Задача же индустриализации заключалась в ее коренной ломке.

Можно утверждать, что в 20-х — 30-х годах был заложен фундамент, на котором начала строиться советская методология расчета эффективности. В настоящее время многие экономисты считают, что обобщающим показателем эффективности прежде всего являются темпы роста национального дохода, обусловленные темпами повышения общественной производительности труда, а для соизмерения затрат и их результатов, в целях определения эффективности, необходимо во всех сферах народного хозяйства применять единую систему показателей. В методических указаниях, на основе которых разрабатываются государственные планы развития народного хозяйства

---

[39] *Ноткин А. И.* Технический прогресс и рост продукции.— Известия АН СССР. Отделение экономики, 1946, № 2.

[40] *Маслов П.* Народнохозяйственная эффективность и трудоемкость капитальных затрат.— Вестник финансов, 1927, № 10, с. 67.

СССР, подчеркивается, что «планирование экономической эффективности общественного производства осуществляется не по одному какому-либо показателю, а по их комплексу, так как на эффективность производства влияет ряд факторов и только применение системы дополняющих друг друга показателей позволяет сделать правильные выводы об уровне эффективности»[41]. Единая система показателей включает: обобщающие показатели повышения экономической эффективности общественного производства, основу которых составляют темпы роста произведенного национального дохода на душу населения; показатели повышения эффективности использования труда, основных фондов, оборотных средств и капитальных вложений; показатели улучшения использования материальных ресурсов[42]. Все эти показатели становятся государственными плановыми заданиями, одним из главных моментов в разработке и отборе вариантов народнохозяйственного плана.

Опыт составления пятилетних планов позволяет с уверенностью утверждать, что в каждом плане темпы развития намечались исходя из конкретной исторической обстановки и генеральной линии партии в решении основных проблем строительства социализма. Сами по себе темпы никогда не были самоцелью. Они являлись средством для решения стоящих перед страной задач. В области эффективности общественного производства положительным результатом дискуссий 20—30-х годов был прежде всего вывод о необходимости применять систему показателей, отводя в ней главное место росту производительности труда.

2. Целевые установки генерального плана

Отправной точкой разработки плана является определение целей развития экономики страны в их соподчинении и взаимосвязи друг с другом. Марксистский подход к планированию всегда отличала комплексность, т. е. понимание единства социально-экономического и научно-технического аспектов плана. По определению С. Г. Струмили-

---

[41] Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М.: Экономика, 1974, с. 33.
[42] Там же, с. 34—37.

на: «Имени хозяйственного плана заслуживает лишь такая программа действий, которая обеспечивает достижение намеченного эффекта с наименьшей затратой сил» [43]. Иначе к разработке плана относились буржуазные ученые. Генетический подход к планированию, характерный для комиссии П. С. Осадчего, исключал по сути активное влияние на ход развития экономики.

Социально-экономическая цель развития советского хозяйства ставилась в разработках комиссии Осадчего в зависимость от оптимального пути развития, под которым подразумевался капиталистический путь. В. А. Базаров, конструируя понятие оптимума, также не включал в него социальных целей. В основе его оптимума лежали следующие характеристики:

1) плавное, бесперебойное движение от одного состояния к другому, для чего необходимы хозяйственные резервы;

2) в любой точке этого движения народное хозяйство «должно представлять собой стройное органическое целое — максимально устойчивую систему подвижного равновесия»;

3) путь к намеченной цели должен быть кратчайшим. Отсюда проблема темпа [44].

Базаров считал, что между этими тремя элементами существует следующая связь: «бесперебойность» дает форму перспективной кривой без острых углов и разрывов; «соразмерность» — «систему уравнений, связывающих между собой отдельные отрасли народного хозяйства в любой момент перспективного пути» [45]. Первое и второе требования во взаимодействии намечают множество «кривых» развития, выбрать оптимальную позволяет третье условие.

Теория оптимальности, предложенная Базаровым, игнорировала необходимость коренной ломки сложившихся пропорций, и поэтому объективно была направлена против строительства социализма. Кроме того, эта теория теряла всякий смысл, так как определение оптимального пути предполагало наличие и других путей, которых

---

[43] *Струмилин С. Г.* К теории планирования.— Плановое хозяйство, 1928, № 11, с. 118.

[44] Плановое хозяйство, 1926, № 7, с. 10—11.

[45] Там же, с. 11.

не могло быть в построениях Базарова, так как он признавал единственно возможным генетический путь, т. е. выведение будущего из прошлого. Это несоответствие в теории Базарова убедительно раскритиковал С. Г. Струмилин в статье «К теории планирования»: «Понятие оптимального пути развития весьма соотносительно. Оно неизбежно подразумевает определенного субъекта, для которого этот путь является оптимальным»[46]. Поэтому и невозможно вывести оптимальность из прошлого.

Первоочередность постановки цели при составлении плана имеет и методологическое преимущество в его разработке, так как отпадает необходимость изучения тех причинных связей, которые не имеют прямого отношения к цели.

Рассмотрение проблемы равновесия в отрыве от социально-экономических задач строительства социализма привело к чисто количественному подходу к ней. Равновесия можно было достигнуть самыми различными путями — от повышения цен на товары широкого потребления до увеличения их производства на основе социалистической индустриализации. Именно постановка конкретной цели, говорили экономисты-марксисты и позволяет выбрать тот или иной тип равновесия, а когда цель требует коренной ломки сложившихся пропорций (как это было в годы первой пятилетки), то необходимо сознательно нарушить равновесие, т. е. пропорциональность должна меняться в зависимости от сущности хозяйства. Буржуазные же экономисты считали, что пропорциональность неизменна.

Теория равновесия в том виде, в каком она была представлена в работах Громана и Базарова, опиралась на мнимое противоречие между балансовым методом и принципом выделения основного звена. Острые формы борьбы с теорией равновесия как направленной против строительства социализма были одной из причин формирования у некоторых экономистов нигилистического отношения к балансу. Показательны в этом отношении высказывания бывшего тогда председателем Госплана РСФСР А. М. Лежавы. Справедливо указывая на то, что равномерное и плавное развитие всех элементов социалистиче-

[46] *Струмилин С.* К теории планирования.— Плановое хозяйство, 1928, № 11, с. 132.

ского хозяйства вообще невозможно в реконструктивный период, он писал: «Ограниченность наших средств толкает нас на то, чтобы наше планирование стало на путь выбора первоочередных задач. Мы вынуждены будем форсировать подъем одних элементов нашего хозяйства и может быть несколько замедлять развитие других. Это будет систематическим диспропорциональным ведением хозяйства». И далее: «...мы сознательно будем вести наш корабль в различные диспропорции: сегодня одни, завтра другие» [47].

Таким образом, правильное понимание необходимости выделения основного звена в планировании сочеталось у А. М. Лежавы с противопоставлением этого принципа принципу пропорциональности. Порок позиций и Громана, и Базарова заключался вовсе не в призыве к пропорциональности, а в том, что исходившие из теории равновесия выводы находились в полном противоречии с основными целями социалистического производства. Достижение сбалансированности есть необходимое условие эффективного использования производственных возможностей и ресурсов любого общества, однако само понятие пропорциональности формулируется исходя из цели развития данного общества. Полезно в этой связи вспомнить замечания В. И. Ленина на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода», где В. И. Ленин, подчеркивая правомерность постановки проблемы равновесия, пишет: «Но не точнее ли говорить о «необх[одимо]сти известной пропорциональности», чем о «*точке зрения* равновесия?» Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философск[им] шатаниям в сторону *от* мат[ериали]зма к идеализму» [48].

Игнорирование проблемы пропорциональности вообще, так же как и ее отрыв от закономерностей социалистического хозяйства, мог принести большой вред делу хозяйственного строительства. «Попытки рассматривать пропорциональность,— писал работник Госплана СССР Г. П. Косяченко,— как нечто самодовлеющее, исключительно вытекающее из уровня развития материальных производительных сил, безотносительно их общественной форме, попытки сведения всех закономерностей общест-

[47] *Лежава А. М.* О некоторых вопросах планирования.— Плановое хозяйство, 1926, № 12, с. 11, 12.
[48] Ленинский сборник XI, с. 384—385.

венного воспроизводства к проблеме пропорциональности как таковой являются попытками игнорирования принципиально отличного характера закономерностей советского хозяйства в сравнении с хозяйством капиталистическим и на деле ведут к увековечиванию конкретно исторических пропорций, полученных нами в наследство от капитализма» [49].

Главной задачей планирования являлось формирование новых пропорций, отвечающих основным задачам социалистического строительства, превращение страны из аграрной в индустриальную. Осуществления этого в условиях, когда СССР был единственной страной диктатуры пролетариата, можно было добиться лишь путем преимущественного развития отраслей тяжелой промышленности. Теория же равновесия отрицала такую необходимость. Требование «соразмерности» всех отраслей приводило авторов данной теории к выводу об обязательности равномерного развития промышленности и сельского хозяйства, форсированного развития легкой промышленности, широкого ввоза продукции отраслей тяжелой промышленности из-за границы. «Оптимальный путь» развития привел составителей генплана в комиссии Осадчего к тому, что в области политики в качестве целевой установки выдвигалось лишь «удержание в руках Советской власти командных высот, а не полное построение социализма». Успешное выполнение первой пятилетки разбило выводы буржуазной теории равновесия.

Работа комиссии Н. А. Ковалевского проходила уже в период, когда осуществлялась первая пятилетка, принятие которой знаменовало победу марксистского направления в методологии планирования. Необходимость первоочередного выдвижения целевых установок стало аксиомой планирования. Цели генерального плана формулировались комиссией Ковалевского следующим образом:

«1. Догнать и перегнать передовые по технике и масштабам продукции страны мирового капитализма.

2. Выполнить кооперативный план Ленина и завершить новую экономическую политику примерно ко времени выполнения пятилетки, т. е. приблизительно на 15-м году Октябрьской революции.

---

[49] *Косяченко Г.* К постановке проблемы воспроизводства в хозяйстве СССР.— Проблемы экономики, 1932, № 6, с. 34.

3. Развернуть социалистические формы хозяйства в следующем пятилетии с постепенным переходом к более совершенным коммунистическим формам.

4. Построить в итоге 10—15 лет реконструкции развернутые формы коммунистического общества, которые только будут доступны при мировом сочетании сил капитализма и коммунизма» [50].

Формулировка первой цели выражала генеральную линию партии в этом вопросе. Технически отсталая страна, с мелкотоварным сельским хозяйством, находящаяся во враждебном капиталистическом окружении нуждалась в высоких темпах экономического развития. В. В. Куйбышев, выступая на XVI партийной конференции, подчеркнул необходимость «в короткий исторический срок догнать и перегнать капиталистических врагов, иначе построение социализма не может быть обеспечено» [51]. Осуществление этой цели требовало разработки методологии сравнения уровней экономического развития СССР и капиталистических стран. Г. М. Кржижановский предлагал «представить себе некоторую грубую модель рационализации хозяйства СССР и на этом конкретном примере, пользуясь богатым материалом американской литературы, попробовать отдать себе отчет, как бы мог справиться этот живой организм США с задачами такой рационализации. При удачном решении этой задачи мы могли бы получить драгоценнейший материал для строительных вех нашего генерального плана» [52].

Имеющихся к тому времени работ по проблеме сравнения уровней СССР и США было недостаточно, и методология их не являлась бесспорной. В частности, в работе Г. А. Фельдмана «Соображения о структуре и динамике народного хозяйства США с 1850 по 1925 гг. и СССР с 1926/1927 по 1940/1941 гг.» сравнение уровней экономического развития осуществлялось через сравнение основных показателей (территория, общая численность населения, численность городского и сельского населения,

---

[50] *Ковалевский Н. А.* Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР и генплана. М.: Плановое хозяйство, 1930, с. 55.

[51] XVI конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962, с. 56.

[52] *Кржижановский Г. М., Квиринг Э. И., Ковалевский Н. А.* Проблемы построения генерального плана. М.: Плановое хозяйство, 1930, с. 30.

численность фабрично-заводских и горных рабочих, длина железнодорожной сети, производство электроэнергии, мощность двигателей в промышленности, потребление угля, чугуна, меди, алюминия, хлопка, пшеницы, ржи, народный доход и народное имущество) для США в 80—90 годы и СССР в 1926/1927 г. Это сопоставление привело автора к следующим выводам:

1) По территории, численности населения и потреблению ржи США намного отстали от СССР.

2) Показатели численности фабрично-заводского и горного пролетариата, погрузок на железных дорогах и народного дохода США в 80—90 гг. примерно совпадают с этими же показателями для СССР 1926/1927 г.

3) СССР 1926/1927 г. отстал от периода 1880—1890 гг. в США по соотношению между городским и сельским населением, длине железнодорожной сети, мощности двигателей фабрично-заводской и горной промышленности, потреблению угля, чугуна, хлопка, производству меди.

4) СССР периода 1926—1930 гг. опередил период 1880—1890 гг. в США по численности населения и производству электроэнергии на станциях общественного пользования.

Сравнение данных показателей, пересчитанных на душу населения, приводило Г. А. Фельдмана к более пессимистическим результатам. Он писал: «Через 15 лет мы, по наметке, достигнем плотности населения США в 1893 г. и производства энергии на электрических станциях общественного пользования на душу населения — 1914 г., да и по потреблению пшеницы мы не отстаем от США. По ржи, по-видимому, мы недосягаемы. Но по всем прочим коэффициентам нам приходится искать подобных нашим цифр до 1880 г. в США по большинству и до 1850 г.» [53].

Однако все эти сопоставления не были достаточно показательны, так как использовались разные масштабы сопоставимых величин, и Фельдман, исходя из того, что «структурные сопоставления требуют равного масштаба сопоставляемых величин», предложил рассматривать страны как производственно-потребительские комплексы,

[53] *Фельдман Г. А.* Соображения о структуре и динамике народного хозяйства США с 1850 по 1925 гг. и СССР с 1926/1927 по 1940/1941 гг. М.: Плановое хозяйство, 1929, с. 7—8.

«наилучшим и наиболее полным выражением размеров производства и потребления которых является народный доход». Поэтому все показатели в дальнейшем приводились к равному народному доходу (СССР — 7,2 млрд. долл. за 1926/1927 г.) и сопоставлялись. Сравнение, проведенное по такой методологии, показало, что экономическое состояние СССР благоприятнее, чем могло казаться из данных первых двух вариантов сравнения. По грузообороту железнодорожного транспорта, потреблению чугуна, производству меди, потреблению хлопка в 1926/1927 г. СССР отстал от США 1880—1890 гг., а по численности населения, по производству электроэнергии на станциях общественного пользования, потреблению пшеницы и ржи СССР оказался далеко впереди США 1880—1890 гг. По численности рабочего класса, потреблению угля и плотности населения СССР отстал незначительно, данные по национальному доходу почти совпадали.

Методология, предложенная Фельдманом, была интересна, но в практических разработках комиссии Ковалевского она не использовалась, так как сама цель «догнать и перегнать» не была конкретизирована.

Комиссия Ковалевского одной из задач развития экономики страны считала завершение нэпа. Постановка задачи завершения нэпа к концу первой пятилетки вытекала из неправильного понимания комиссией сущности этой политики. Нэп — политика, рассчитанная на полную победу социализма в СССР. В первую же пятилетку осуществлялось строительство только фундамента социализма. В период работы комиссии Ковалевского развернулась дискуссия по проблемам нэпа. Отдельные экономисты считали, что в связи с переходом к массовой коллективизации и резким сужением поля деятельности частнохозяйственного капитализма проблемы «кто кого» уже не существует, а значит и не существует нэпа. По сути эта точка зрения поддерживала троцкистское понимание нэпа как сплошного отступления. Она была подвергнута критике экономистами-марксистами и охарактеризована как «левацкий загиб». К. Розенталь, К. Бутаев, Р. Вайсберг, Б. Борилин справедливо указывали на то, что наступил новый этап нэпа, который характеризует социалистическое наступление по всему хозяйственному фронту.

Комиссия Ковалевского, выдвигая цель завершить нэп к концу первой пятилетки, выступила тем самым в поддержку «левого» направления, которое неправильно оценивало существовавший тогда этап социалистического строительства, когда еще не полностью была ликвидирована многоукладность экономики и не полностью завершено социалистическое преобразование сельского хозяйства. Наивно звучал также призыв Н. А. Ковалевского построить в итоге 10—15 лет развернутые формы коммунистического общества. «Левацкие загибы» в формулировке целей генерального плана были связаны с недостаточным анализом действительности и небольшим опытом применения марксистско-ленинской теории, с чрезвычайной сложностью определения хронологических рамок такого многогранного процесса, как становление социалистического общества. Если комиссия Осадчего исходным пунктом построения плана считала изучение сложившихся пропорций и на основе этих пропорций выдвигала мизерные цели, то комиссия Ковалевского наоборот — ставила большие цели без достаточного изучения возможности их осуществления. Нереальность целей предопределила и нереальность самого генерального плана.

Комиссии Ковалевского было свойственно преувеличение роли субъективного фактора в экономическом развитии страны. Так, один из членов комиссии, Г. А. Фельдман, писал: «Мы исходим из положения, что советское хозяйство в основном и в первую очередь в области распределения народного дохода хозяйство субъективное и что в определении путей его материального развития нам в первую очередь и главным образом приходится считаться не с законами, определяющими развитие того или иного «бессубъективного» хозяйства, но с теми законами природы и, в частности, производства, которые независимы от каждого данного общественного строя»[54]. Это положение по существу повторяло теорию Громана — Базарова с ее абстрагированием от социальной формы явлений с той

---

[54] *Фельдман Г. А.* Аналитический метод построения перспективных планов. — Плановое хозяйство, 1929, № 12, с. 95. Подобное отношение к законам природы и экономики особенно ярко было выражено в высказываниях оппонента по докладу комиссии Ковалевского Р. Е. Вайсберга, который говорил: «Мы подчиняем силы природы социализму» (Плановое хозяйство, 1930, № 1, с. 22).

только разницей, что и Громан и Базаров полагались в основном на стихийные силы, а Фельдман — на «субъекта» хозяйства и внеисторические законы [55].

Как известно, целевые установки неотделимы от методологических, уязвимость первых в плане комиссии Ковалевского вытекала также из того, что в методологических разработках комиссии Ковалевского отсутствовало технико-экономическое обоснование тех или иных положений. Этот недостаток пыталась исправить при составлении своего плана комиссия Г. И. Ломова, технико-экономические расчеты которой использовались в отраслевых балансах второй пятилетки.

Комиссия Ломова не выдвинула новых социально-экономических целей генерального плана, взяв их из второго пятилетнего плана. Успешное выполнение первого пятилетнего плана позволило приступить к составлению второго на основе проверенных практикой методологических принципов. В «Основных указаниях к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР» были представлены четко сформулированные социально-экономические цели развития страны на период второй пятилетки: построение бесклассового социалистического общества, увеличение в 2—3 раза благосостояния трудящихся, полная реконструкция народного хозяйства на новейшей технической базе [56].

Таким образом, быстрота социалистических преобразований позволила в короткий срок в методологии планирования перейти от генетического подхода к составлению плана комиссией Осадчего до реально обоснованных и политически устремленных целевых установок плана второй пятилетки.

3. Методологические основы генерального плана

По вопросу о том, что включает в себя методология планирования, в настоящее время существуют различные точки зрения. На наш взгляд, наиболее точное определе-

---

[55] Модель Фельдмана была разработана вне зависимости от этого положения.

[56] Основные указания к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.). М., Госплан, 1932, с. 5.

ние принадлежит Г. М. Сорокину: «Методологию обычно определяют как совокупность приемов исследования и как учение о методе познания, а методику — как совокупность способов, методов, приемов для систематического последовательного, наиболее целесообразного проведения какой-либо работы. В планировании исторически сложилось несколько иное понимание методологии и методики. К методологии планирования, как правило, относят общие вопросы разработки единого народнохозяйственного плана, а к методике — приемы и способы составления и анализа выполнения его отдельных разделов и показателей» [57].

Методология составления плана включает такие вопросы, как система показателей плана, планирование темпов, планирование пропорций, единый план. Изучаемые нами материалы по разработке данных вопросов в комиссиях генерального плана разнородны, но характерно, что основной проблемой для всех комиссий была проблема темпов и пропорций народного хозяйства. Именно тот или иной подход к ее решению определял политическую направленность работы комиссий. В своих решениях комиссии шли различными путями: применялся балансовый метод, моделирование, метод вариантных приближений. Показательно, что провозглашая тот или иной метод ведущим в планировании, каждая комиссия фактически пользовалась прежде всего методом чистой экстраполяции, что было неизбежным следствием отсутствия четких социально-экономических установок.

Методологической основой разработок плана комиссии П. С. Осадчего стала теория темпов, предложенная В. А. Базаровым. Исходной точкой этой теории было положение о том, что развитое социалистическое общество (критерия он не приводил) почти не отличается от развитого капиталистического, так как и для того, и для другого характерен достаточно высокий уровень производства.

Исходя из данных посылок и изучая практику восстановительного периода в СССР, Базаров пришел к выводу, что процесс реконструкции, медленный в самом начале, ускоряется пропорционально успехам до тех пор, пока

---

[57] *Сорокин Г. М.* Планирование народного хозяйства СССР. М.: Соцэкгиз, 1961, с. 289—290.

не достигнут предел использования имеющегося оборудования фабрик и заводов. Затем, утверждал он, начинается движение, напоминающее цикл капиталистической промышленности. Затухание происходит не равномерно, а циклически. Причем отличие фазы цикла социалистического хозяйства от капиталистического, основанное на разнице в системе кредита, заключается в том, «что во второй своей фазе цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и расцвета» [58].

Признавая преимущества социалистического строя перед капиталистическим в изыскании источников экономического роста (ликвидация непроизводительного потребления буржуазии и плановое ведение хозяйства), Базаров недооценивал эти преимущества. Он считал, что непроизводительное потребление буржуазии ввиду ее немногочисленности незначительно. Преимущества планового ведения хозяйства действуют, по Базарову, лишь в том случае, если общество, «совершившее социалистический переворот, обладает достаточной общей культурностью и всей суммой технико-экономических знаний и умений, которые необходимы для рационализации народнохозяйственного развития. Но как раз этого-то условия у нас нет» [59]. Таким образом, преимущества социализма сводились Базаровым к нулю. Главным источником накопления он считал деревню, привлечение средств из сельского хозяйства, иностранный капитал в форме кредитов и займов и внешнюю торговлю. Справедливо подчеркивая важность для наращивания темпов эффективности использования накопления, Базаров подменял понятие эффективности понятием подвижного равновесия и трактовал последнее как стихийно складывающийся баланс между отдельными частями воспроизводства.

Базаров считал, что при социализме, так же как и при капитализме, действуют кризисы, но не перепроизводства, а недопроизводства. Кризис сбыта 1923 г. был воспринят им как закономерное явление. Иначе оценивали этот кризис советские экономисты. «Кризис 1923 г., бывший кризисом сбыта,— писал В. Е. Мотылев,— не явля-

[58] *Базаров В. А.* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М., 1927, с. 103.

[59] *Базаров В. А.* О перспективах хозяйственного и культурного развития.— Экономическое обозрение, 1928, № 6, с. 60.

ется, очевидно, типичным, так как он вызван был рядом исключительных условий первого периода нэпа. Кризисные явления последних лет могли бы, несмотря на недостаток товаров, существенно замедлить темп развития, если бы они вызвали общее нарушение равновесия. Однако наличие планового регулирования позволяет и будет, очевидно, позволять дальше — ослаблять и локализовать обнаружившиеся кризисные явления» [60].

Советские экономисты (А. Кон, В. Мотылев, С. Струмилин, Г. Кржижановский) подчеркивали, что социалистическая пропорциональность есть соответствие производственных пропорций типу данной системы производственных отношений [61]. Отрицание этой зависимости привело Громана и Базарова к теории «затухающей кривой», якобы имеющей место в начальный период социалистической индустриализации, и экстраполяции на экономику СССР капиталистических пропорций.

Не отрицая возможность некоторого замедления темпа роста экономики при переходе от восстановительного периода к реконструкции, В. Мотылев показал необоснованность позиции Базарова. Мотылев считал, что в период восстановления отнюдь не достигнут технический предел использования оборудования. Кроме того, большую роль в увеличении темпа должна сыграть рационализация производственных процессов, которая в условиях реконструкции имела бо́льшие возможности, чем при восстановлении, когда рационализация тормозилась рамками старого основного капитала. Главное же, что должно обеспечить развитие промышленности,— это возможность сознательно организовать накопление социалистического хозяйства.

Базаров не принимал во внимание также разновременность перехода отдельных отраслей и предприятий от восстановления к реконструкции.

Это положение Базарова раскритиковал А. Боярский [62]. Мотылев указал на отсутствие у Базарова количественных данных о непроизводительном потреблении буржуазии в начале XX в., хотя уже тогда имелись расчеты С. Г. Струмилина, свидетельствующие о значитель-

---

[60] *Мотылев В. Е.* Проблема темпа развития СССР. М., 1929, с. 82.

[61] См., например: *Кон А.* О содержании понятия «равновесие» производства.— Проблемы экономики, 1929, № 1, с. 23.

[62] *Боярский А.* О теории затухающего темпа развития советского хозяйства.— Плановое хозяйство, 1930, № 10—11.

ности этой доли особенно в сельском хозяйстве[63]. «...Дальнейший рост производительных сил в СССР,— писал В. Мотылев,— не будет сопровождаться ростом непроизводительного потребления буржуазии. По мере хозяйственного роста СССР значение этого фактора будет возрастать»[64].

Критикуя базаровское положение о соотношении уровня культурности и возможностях планирования, В. Мотылев отмечал, что культурная отсталость, безусловно, затрудняет реализацию преимуществ переходного периода. Однако следует учесть, во-первых, что высокий темп роста народного хозяйства в восстановительный период был достигнут несмотря на культурную отсталость, во-вторых, «нет оснований полагать, что темп нашего культурного развития не может быть ускорен»[65]. В. Мотылев подчеркивал трудности этого процесса, но в отличие от Базарова считал, что задача заключается не в описании этих трудностей, а в преодолении их.

На основе методологии Базарова были построены все доклады участников комиссии Осадчего. Н. П. Огановский, автор доклада по сельскому хозяйству, считал, что развитие сельского хозяйства пойдет по линии дальнейшей дифференциации крестьянства, результатом которого будет укрепление мелких хозяйств. Как неонародник он считал, что законы капиталистического развития не действуют в сельском хозяйстве, мелкое индивидуальное хозяйство обладает особой «устойчивостью», связанной с его «трудовым характером», поэтому организация крупных, коллективных хозяйств невозможна. Вытеснение крупного производства мелким — таков, по мнению неонародников, путь развития сельского хозяйства[66]. Представителями этого направления крестьянство характеризовалось как однородная масса «трудовых» хозяев, размеры крестьянских хозяйств определялись размерами семьи, социальная дифференциация заменялась демографической.

[63] В довоенное время налоги, сборы и платежи на землю составляли 19% душевого дохода крестьянского населения. Подавляющая часть этих платежей шла на непроизводственное потребление.

[64] *Мотылев В.* Проблемы темпа развития СССР, с. 135.

[65] Там же, с. 136.

[66] Неонародничество как течение сложилось к 1905 г. Наиболее яркие его представители: А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, М. Н. Кажанов, Н. П. Огановский.

Эти установки стали исходными для доклада Н. П. Огановского, в котором он подчеркивал, что «основным принципом построения генерального плана сельского хозяйства является создание устойчивого равновесия между сельским и народным хозяйством не только в степени подъема производительных сил, но и уровне благосостояния трудящихся масс города и деревни». Исходя из необходимости соблюдать «устойчивое равновесие» между народным хозяйством, развивающимся по «затухающей кривой», и сельским хозяйством, идущим по пути роста численности индивидуальных хозяйств (проектировался их рост с 22 млн. до 40 млн.), Огановский тем самым планировал для сельского хозяйства путь развития прямо противоположный социализму.

Огановский предлагал также выравнять индексы промышленных и сельскохозяйственных цен. Партия проводила курс на постепенное сближение индексов цен, так как более высокие цены на промышленные товары использовались как временная, но необходимая мера для перераспределения части национального дохода в пользу промышленности. Резкое же снижение индустриальных цен, к чему призывал Огановский, сократило бы темпы роста промышленности и сыграло бы на руку кулакам, которые получали возможность капиталонакопления. Для бедноты это означало бы прежде всего «сужение рынка сбыта ее рабочей силы и понижение доходов от отхожих промыслов и тому подобных заработков» [67]. Такая направленность установок Огановского и его «школы» была подвергнута экономистами-марксистами резкой критике.

В период подготовки генерального плана сельского хозяйства в деревне преобладали мелкобуржуазные отношения. Огановский и был их выразителем. XIV съезд ВКП(б) (1925 г.) раскрыл объективную почву подобных направлений. Отмечая хозяйственные успехи 1925 г., съезд указал на то, что «одновременно развиваются, однако, и особые *противоречия* этого роста и специфические *опасности и трудности*, этим ростом определяемые. Сюда относятся: абсолютный рост частного капитала при относительном падении его роли, в особенности частного торгового капитала, перекидывающего свои операции на об-

---

[67] *Струмилин С. Г.* Избранные произведения, т. 2. М.: Изд. АН СССР, 1965, с. 240.

служивание деревни; рост кулацких хозяйств в деревне вместе с ростом дифференциации этой последней; рост новой буржуазии в городах, стремящейся хозяйственно сомкнуться с торгово-капиталистическими и кулацкими хозяйствами в их борьбе за подчинение основной массы середняцких хозяйств» [68].

Н. П. Огановский весь план предполагал построить по методу экстраполяции. Он советовал разделить все факторы, влияющие на развитие сельского хозяйства, на две категории: неподвижные и «изменчивые». К первым он относил, например, биологические процессы роста животноводства, влияние естественно-исторической среды на статику и динамику урожаев. Явления, связанные с первой группой факторов, утверждал он, могут быть безболезненно экстраполированы как неподвижные. Для второй группы необходим анализ причинных связей между: «а) сельским хозяйством и прочими отраслями народного хозяйства, б) отдельными отраслями внутри самого сельского хозяйства» и их баланс. Но для баланса брались соотношения довоенного времени и с помощью «динамических коэффициентов» переносились на весь период генерального плана. Таким образом, предлагалась не ломка сложившихся пропорций, а опять-таки экстраполяция прошлых результатов на будущее.

Как показала практика социалистического строительства, темпы экономического развития определяются прежде всего уровнем потребностей общества (отсюда вытекает необходимость первоочередности целевого подхода в планировании), динамикой нормы производственного накопления и эффективностью использования фондов. Именно поэтому работавшая позже комиссия Н. А. Ковалевского сосредоточила внимание на двух последних показателях. Ковалевский справедливо считал, что скелет плана составляет целевые установки и системы показателей. Комиссия под его руководством при построении генерального плана называла в качестве основных следующие показатели: число трудоспособных в стране, число человеко-часов труда (ЧЧ), производительность труда (П).

Однако, называя эти показатели основными, комиссия почти нигде при разработке вариантов их не использова-

---

[68] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 3. М.: Политиздат, 1970, с. 246—247.

ла. Расчет делался на основе других показателей: 1) коэффициента воспроизводства (Д/Ф), представляющего отношение чистой годовой продукции страны (Д) к ее наличным ресурсам (Ф); 2) коэффициента производственного накопления ($Д_р$/Д), представляющего отношение доли национального дохода, идущей на производственное накопление ($Д_р$) ко всему национальному доходу (Д). Кроме того, рассматривалась ежегодная амортизация, которая в сумме с производственными накоплениями ($Д_р+А$) составляла сумму ежегодно осуществляемых производственных капиталовложений. В качестве показателя для завершающего периода генерального плана, когда, по мнению Ковалевского, осуществлялся постепенный переход к развернутым формам коммунистического общества, упоминалось и соотношение между долей национального дохода, идущего на потребление ($Д_п$), и всем национальным доходом (Д). Оно определялось как коэффициент полезного действия всей системы.

Рассмотрим данные показатели. Число трудоспособных в стране предполагалось рассчитать исходя из прогноза динамики народонаселения. За основу принималась рабочая гипотеза, разработанная по заданию комиссии Зайцевым (табл. 1).

В прогнозе Зайцева давался устойчивый прирост населения — 2,2—2,5% в год. В действительности он ока-

Таблица 1. Численность населения по прогнозу Зайцева и фактические данные (млн. человек) *

Год	Прогноз	Фактические данные	Год	Прогноз	Фактические данные
1926	147,9	147,9	1933	172,5	165,7 **
1927	151,2	151,2	1934	176,2	—
1928	154,5	154,5	1935	180,1	—
1929	158,0	158,0	1936	184,0	—
1930	161,9	—	1937	188,0	—
1931	165,2	—	1938	192,0	—
1932	169,2	—	1939	196,1	170,5 ***

* *Ковалевский Н. А.* Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР в генплане. М., 1930, с. 47; Социалистическое строительство СССР. М., 1935, с. 539; Социалистическое строительство СССР. М.—Л., 1939, с. 8.
** На 1 января.
*** На 17 января.

зался гораздо меньше: за 1929—1933 гг.— 1,2% в год, за 1933 — 1939 — 0,51% в год. Такое расхождение было связано с тем, что прогноз Зайцева исходил из динамики предшествующего периода. За 1923—1926 гг. среднегодовой прирост населения составлял 2%. Зайцев экстраполировал его и на последующий период. Однако такой прирост следует рассматривать, очевидно, как исключение. Демографы определяют такой прирост как «компенсаторный» после войны и голода. Комиссия Ковалевского рассчитывала также на приток квалифицированной рабочей силы из развитых капиталистических стран. Этот приток должен был составлять, по наметкам комиссии, от 0,1 до 4,5% от общего числа занятых в производстве в период 1930—1943 гг. Таким образом, комиссия прогнозировала численность трудовых ресурсов, основываясь на нереальных предположениях.

В разработках комиссии такому важнейшему показателю, как производительность труда, уделялось неправомерно мало внимания. По мнению Ковалевского, «в период бурной технической и социальной реконструкции, осуществляемой в генплане, коэффициент воспроизводства будет расти в первую очередь не за счет производительности труда, а за счет увеличения его количества (ЧЧ), примененного при данном оборудовании (рост числа смен, количество рабочих дней, непрерывка, отсутствие простоев, вызываемых кризисами перепроизводства, стачками, локаутами и т. д.). За счет же производительности труда (П) коэффициент воспроизводства будет расти только в том случае, если П растет быстрее, чем Ф, что возможно при резких скачках в технике, революционизирующей весь производственный процесс на новой технической базе» [69].

Таким образом, динамика производительности труда связывалась прежде всего с динамикой фондоотдачи, а установка на рост производства в основном за счет количества примененного труда характеризовала курс комиссии на экстенсивное развитие. Последнее положение противоречило дальнейшим разработкам комиссии, исходившим из постоянного роста фондоотдачи. В докладе Н. А. Ковалевского Президиуму Госплана СССР отмеча-

---

[69] *Ковалевский Н. А.* К построению генерального плана.— Плановое хозяйство, 1930, № 3, с. 183.

лось, что «запроектировав два синтезирующих коэффициента: коэффициент воспроизводства и коэффициент производственного накопления и их динамику на протяжении генплана, мы тем самым принимаем все движение прочих показателей в генплане, ибо ответить на вопрос о динамике Д/Ф — это значит ответить прежде всего на вопрос о динамике производительности труда, которую мы предполагаем получить в результате реконструкции и количество человеко-часов труда, которое мы предполагаем ежегодно затрачивать при проектируемой нами динамике населения, количестве трудоспособных в стране и соответствующей расстановке трудовых ресурсов СССР. Ответить на вопрос о динамике коэффициента производственного накопления ($Д_р$/Д) это значит дать директиву экономической политике в отношении динамики благосостояния населения при данном уровне производительности труда и росте народного дохода и динамике капитальных вложений»[70]. Таким образом, производительность труда рассматривалась лишь как производный фактор.

Все построения комиссии Ковалевского основывались на том, что фондоотдача (Д/Ф) при социализме должна расти. Однако это положение было недостаточно аргументировано. На фондоотдачу действует много разнонаправленных факторов. Увеличение доли прошлого труда по сравнению с живым в результате роста производительности труда уменьшает отношение Д/Ф. Повышение квалификации рабочих, рост числа смен, бóльшая загрузка основных фондов действуют в обратном направлении. Очень трудно предсказать, какая будет равнодействующая. Оппоненты Ковалевского справедливо указывали на то, что показатель фондоотдачи в какой-то мере отражает эффективность реконструкции народного хозяйства, когда она осуществляется за счет мероприятий, не связанных с крупными капиталовложениями[71]. Когда же происходит массовое капитальное строительство, растет органический состав производства этот показатель в качестве показателя общей эффективности становится непригодным. Неда-

---

[70] *Ковалевский Н. А.* К построению генерального плана.— Плановое хозяйство, 1930, № 3, с. 124.

[71] В восстановительный период ввиду того, что расширение производства осуществлялось за счет имеющихся фондов, а не ввода новых предприятий, происходил весьма значительный рост эффективности основных фондов.

ром Ковалевский, пропагандируя этот показатель как единственный показатель эффективности, предлагал строить в первый период генерального плана «дешевенькие сооружения». Те из критиков, которые принимали данный показатель эффективности, предлагали его усовершенствовать и прежде всего отделить эффект, полученный за счет экстенсивной загрузки фондов, от эффекта, получаемого за счет интенсивной их загрузки, зависящей от степени загрузки в процессе самой работы.

В зависимости от движения фондоотдачи и нормы производственного накопления комиссия разработала, как уже указывалось, 50 вариантов развития экономики СССР на период генплана, из них 8 было представлено на рассмотрение Президиума Госплана СССР. Эти варианты были составлены на основе экономико-математической модели Г. А. Фельдмана, целью которой было «определение возможных размеров и темпов потребления народных масс в зависимости от структуры народного хозяйства» [72].

Отталкиваясь от схем расширенного воспроизводства К. Маркса и исходя из деления воспроизводства на простое и расширенное, Фельдман делил все капиталы, участвующие в производстве, на две группы: на капиталы, участвующие в расширении производства, и капиталы, поддерживающие потребление на данном уровне. Соответственно этому он разделил все производство на раздел П, обеспечивающий производство на уровне простого воспроизводства, и раздел У, служащий для увеличения и замены производственных фондов в силу морального износа. В этой модели темпы роста национального дохода рассматриваются либо как функция примененного капитала и его эффективности, либо как функция количества труда и его производительности. Фельдман, исходя из существующих тогда в СССР условий (избыточности рабочих), подробно разработал зависимость национального дохода от «капитала» и капиталоотдачи. За основной момент, ограничивающий рост производства, он принял «капитал».

В модели взаимозависимость элементов производства и потребления рассматривается для трех случаев: потребление (суммарное) населения постоянно; потребление на-

---

[72] *Фельдман Г. А.* К теории темпов народного дохода.— Плановое хозяйство, 1928, № 11, с. 150.

селения растет с постоянным процентным приростом; потребление населения растет с возрастающим процентным приростом. Эти три варианта рассматривались в «замкнутом хозяйстве», в условиях «свободных мировых цен», при постоянных или ускоренных темпах обновления производственных фондов.

В основу модели положены следующие основные уравнения:

$$Т = Г_с + \frac{С \cdot \Delta К}{НД},$$

$$Т_п = Г_{сп} + \frac{С_п \cdot \Delta К_п}{НД_п},$$

$$Т_у = Г_{су} + \frac{С_у \cdot \Delta К_у}{НД_у},$$

где НД — национальный доход;

Т — темп роста частей П и У;

С — эффективность использования капиталов;

$К_у$ — основные и оборотные капиталы части У;

$К_п$ — основные и оборотные капиталы части П;

$Г_с$ — темпы роста С;

$Г_{сп}$ — темпы роста $С_п$;

$Г_{су}$ — темпы роста $С_у$.

Фельдман также подчеркнул, что $Н_д$ определяется как стоимость вновь произведенных средств производства и предметов потребления частей У и П; под эффективностью использования капитала понимается отношение НД/К=С и соответственно $НД_у/К_у=С_у$; $НД_п/К_п=С_п$; темпами роста называется «отношение прироста за единицу времени к растущей величине».

Исходя из этих посылок Фельдман выводит основные уравнения модели и приходит к выводу, что «темп роста народного дохода и его частей равен сумме роста соответствующих капиталов и эффективности их использования [73].

Г. А. Фельдман рассматривает и вариант зависимости темпов роста национального дохода от численности занятых в производстве и производительности их труда. В результате автор приходит к выводу, что темпы роста про-

---

[73] *Фельдман Г. А.* К теории темпов народного дохода.— Плановое хозяйство, 1928, № 11, с. 256.

изводства предопределяются темпами роста «капиталов, их эффективности числом занятых в производстве и производительностью труда»[74]. Темп же роста потребления зависит не только от темпа роста производительности труда, но и от соотношения темпов роста производительности труда и фондовооруженности рабочего. Этот вывод Фельдмана верен и для настоящего времени.

Модель Фельдмана была неудачно использована в расчетах восьми вариантов комиссии Ковалевского. Практическое применение этой абстрактной модели требовало кропотливого изучения движения предложенных Фельдманом показателей на практике, анализа влияющих на них факторов и хорошей статистической базы. Комиссия же заменила эти требования подстановкой в модель разных значений показателей нормы накопления и фондоотдачи вплоть до самых нереальных.

В расчетах комиссии неправомерно мало внимания уделялось значению роста производительности труда и влиянию технической реконструкции на ход процесса воспроизводства. В самой модели также был заложен неправильный подход к тенденции фондоотдачи, которая называлась наряду с нормой производственного накопления важнейшим показателем процесса воспроизводства. На дискуссии 1930 г. в Институте экономических исследований Госплана ученые, выступавшие против этого показателя в качестве основного (А. Петров, П. Савчук, М. Рагольский, А. Кон, О. Шахновская, Л. Мендельсон, С. Розентул, И. Колдобский), высказывали следующие соображения. Фондоотдача не может быть основным показателем, так как Д и Ф несопоставимы в силу их разномерности, фонды являются (по концепции Фельдмана) источником национального дохода, этот показатель непригоден в период технической реконструкции, вызывающей рост органического состава капитала.

Позиция противников данного показателя была неверна потому, что и производственные фонды, и национальный доход измеряются стоимостью, следовательно, возможно их сопоставление. Второе замечание вытекало из недостаточно четкой формулировки. По существу Фельдман рассматривал фонды не только как источник нацио-

---

[74] *Фельдман Г. А.* К теории темпов народного дохода.— Плановое хозяйство, 1928, № 11, с. 256.

нального дохода, но и как ресурсы общества. Участники дискуссии справедливо указывали, что, избирая фондоотдачу единственным показателем эффективности в генеральном плане, комиссия игнорирует эффект дополнительных затрат живого труда и влияние на этот показатель технической реконструкции.

Фельдман считал, что фондоотдача в условиях социализма должна в основном расти. Фельдманом были проведены расчеты в двух вариантах: максимальном и минимальном. Разбор этих вариантов свидетельствует о том, что Фельдман, рассчитывая на рост фондоотдачи, не исключал возможности ее стабилизации и даже падения. Минимальный вариант был рассчитан исходя именно из этих посылок. Сравнение его с действительным ходом развития народного хозяйства СССР в 1926—1940 гг. свидетельствует о его реалистичности. Однако сам автор рассчитывал на максимальный вариант, где экстраполировалась тенденция неуклонного роста фондоотдачи в восстановительный период и на последующее время. Фельдман не учел, что в восстановительный период фондоотдача росла в основном за счет роста использования старых фондов, а при реконструкции, когда в массовом порядке вводятся новые фонды, ее рост уже иной. По максимальному варианту национальный доход оказался в 5 раз выше того, который был достигнут в 1940 г. В расчетах собственно комиссии Ковалевского использовались посылки максимального варианта Фельдмана.

Все восемь вариантов, разработанных комиссией Ковалевского, за исключением седьмого, охватывали период 1927/1928 гг.— 1942/1943 гг. Седьмой вариант заканчивался 1947/1948 гг. Выдвижению различных вариантов основных показателей предшествовал их анализ за три года выполнения первого пятилетнего плана и их динамика за 70 лет в США. Анализируемый комиссией период в СССР характеризовался стремительным наращиванием темпов. Годовой темп прироста национального дохода составлял: в 1929 г.— 15,6%, в 1930 — 21,1%, а годовой темп прироста основных фондов — в 1929 г.— 6,5%, в 1930 — 13,7%. В 1931 г. годовой темп прироста основных фондов составлял уже 20%, а национального дохода — 16,8%. Такое положение сложилось потому, что в 1929—1930 гг. увеличение продукции происходило в основном за счет действующих предприятий. В последую-

щие годы первой пятилетки продукция новых предприятий начинает играть все большую роль. Комиссия Ковалевского опиралась на опыт первых лет пятилетки, когда показатель фондоотдачи был весьма высок. Массовый ввод новых фондов не мог не повлиять на снижение этого показателя, что не учла комиссия.

В пяти из восьми вариантов комиссией Ковалевского предлагался растущий показатель фондоотдачи, в трех — постоянный. Причем среднегодовой прирост эффективности фондов составлял от 10 до 15% в год. В действительности соотношение между ростом национального дохода и ростом основных производственных фондов представляло к началу второй пятилетки следующую картину (в % к 1928 г.)[75].

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Национальный доход	115,6	140,0	163,6	182,0	194,0
Основные производственные фонды	106,5	121,2	145,5	172,4	198,9
Соотношение темпов роста основных фондов и национального дохода	0,92	0,87	0,89	0,94	1,02

Таким образом, рост фондоотдачи к началу второй пятилетки сменился снижением, что являлось, очевидно, следствием массового ввода новых фондов. Кроме того, в период первой пятилетки в промышленности резко возросла доля группы «А» — с 39,5% в 1928 г. до 53,4% в 1932 г. Уровень же фондоотдачи составлял в группе «А» в 1928 г. 78,6% от уровня фондоотдачи всей промышленности, а в 1932 г. он снизился до 47,3%[76]. Доля продукции промышленности в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства за период с 1929 до 1932 г. также возросла с 54,4 до 70,7%[77].

Стремительный рост фонда накопления и его доли в национальном доходе в первые годы социалистического строительства был воспринят комиссией Ковалевского как однонаправленно действующая и постоянная тенденция социалистического строительства. Отсюда рассчи-

[75] В сопоставимых ценах. Для национального дохода цены 1928 г., для основных фондов — 1933 г.

[76] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1960 г. М.: Статистика, 1961, с. 224; Социалистическое строительство СССР. М.: Госпланиздат, 1936, с. 3—8.

[77] Социалистическое строительство СССР. М.: Госпланиздат, 1936, с. XXXII.

танная комиссией норма накопления достигала в некоторых вариантах неправдоподобных величин — 93,9, 99,7%. Исследуя норму накопления в СССР за 1928—1930 гг., комиссия явно недостаточно останавливалась на факторах ее движения. В частности, осталось невыясненным, в какой мере повышение нормы накопления обусловлено факторами экономического роста. Не был исследован также вопрос, в какой мере эффективность накопления снижается вследствие недостаточной скорости освоения новых фондов. Среди факторов, влияющих на объем накопления, следует назвать прежде всего удельный вес накопления в национальном доходе, скорость ввода в эксплуатацию новых предприятий, соотношение продукции новых предприятий и капиталовложений в них. Последнее соотношение составляло, по подсчетам М. Рагольского, в 1928 г.— 77%, 1929 г.— 78, 1930 г.— 71, 1931 г.— 66% и свидетельствовало о снижении темпов роста продукции новых предприятий по сравнению с темпами роста капиталовложений в них после 1929 г. Возможно это и было одной из причин повышения нормы накопления в 1931 г.

Динамике нормы накопления в США присущ скачкообразный характер, что интерпретировалось комиссией Ковалевского как признак всякого капиталистического хозяйства. Падение данного показателя в США связывалось с тенденцией нормы прибыли к понижению, а рост его в 80—90 гг. XIX в. объяснялся реконструкцией промышленности, проводимой в то время. Рост нормы накопления в США в период реконструкции расценивался комиссией Ковалевского как обязательное явление в этот период в любых условиях, поэтому в свой план построения социализма комиссия заложила постоянный рост этого показателя.

Комиссия исходила из того, что «рост эффективности вдвое-втрое по сравнению с капитализмом не составил неожиданности при системе планового хозяйства за рассматриваемый реконструктивный период[78]. Основными источниками роста эффективности народного хозяйства (Д/Ф) комиссия считала:

1) переход на непрерывное производство, что должно

---

[78] *Ковалевский Н. А.* Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР в генплане, с. 21.

было, по подсчетам комиссии, поднять эффективность на 20—25%. При этом авторы при расчете эффективности использовали нереальный коэффициент сменности — 3,4 (при семичасовом рабочем дне три смены — 24 : 7=3,4). Отметим, что в 1929/1930 г. он составлял 1,7;

2) рационализация хозяйства на основе его планового руководства. Этот действительно надежный источник роста эффективности рассматривался комиссией Ковалевского весьма абстрактно. Не учитывалось, что массовая рационализация требует громадных затрат, отдача которых не может быть немедленной;

3) технический прогресс, применение новейшей техники капиталистических стран («ресурсы догона»). Этот источник также не исследовался достаточно глубоко. При имеющейся производственной базе технический прогресс мог принять лишь капиталоемкую форму. Необходимо было создать крупную машинную индустрию. Политика капиталовложений, начиная со второй половины 20-х годов, была направлена на всемерное стимулирование развития промышленности, производящей средства производства, где, как известно, фондоотдача обычно ниже, чем в отраслях, производящих предметы потребления. Кроме того, капиталовложения все больше направлялись на создание новых фондов, а не на восстановление старых. Вложения в новое производство превысили отчисления на амортизацию в 1925/1926 г. в 2,5 раза, а в 1928 г.— в 4,6 раза. Таким образом, уже в период, предшествующий работе комиссии Ковалевского, наметились такие тенденции развития экономики СССР, которые ясно показывали невозможность постоянного роста фондоотдачи, т. е. невозможность рассмотрения фондоотдачи в качестве главного показателя эффективности народного хозяйства. Нереальные цифры роста эффективности вели к нереальным показателям темпа прироста национального дохода (в некоторых вариантах плана они достигали 35% в год). В действительности среднегодовой темп прироста за 1928—1940 гг. составил 14,6% [79].

Так же произвольно определялась структура производства. Авторы гипотезы полагали, что если в 1937/38 г. при норме накопления 65% соотношение груп-

---

[79] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1958 г. М.: Госстатиздат, 1959, с. 52—53.

пы «А» и «Б» в народном хозяйстве составит 71 : 29, то к 1942/43 г. при норме накопления 67,7% оно достигнет соответственно 78,4 : 21,6 [80]. Действительность показала несостоятельность и этих расчетов. Так, в 1938 г. при норме производственного накопления 19,4% удельный вес группы «А» в промышленности составил 61,2%. М. Е. Власов, один из оппонентов разработок комиссии Ковалевского, пытался найти закономерность в соотношении I и II подразделений общественного производства при социализме исходя из того, что удельный вес I подразделения (H) прямо пропорционален темпу роста продукции (T) и уровню техники (h) [81]. Он предложил следующую формулу данной закономерности $H=Th$. Учитывая, что настоящий уровень I подразделения определяется уровнем техники будущего периода, эта формула выглядит так:

$$H = \frac{h_2 \cdot P_2}{P_1} = \frac{P_2}{P_1} \cdot h_2 = Th_2,$$

где P_1 — продукция данного периода, P_2 — продукция следующего периода.

Таким образом, удельный вес I подразделения прямо пропорционален темпу роста продукции и уровню техники следующего периода. Уровень техники (h) определялся Власовым для капитализма как отражение органического строения капитала, а для социализма как фондовооруженность труда или удельный вес овеществленного труда во всей продукции. Проверка формулы Власова по схемам Маркса доказывает ее правомерность. В окончательный вариант этой формулы для социализма Власов включил также коэффициент напряженности многолетних капитальных вложений (k), который характеризует разницу между капитальными вложениями данного года, не вошедшими в продукцию следующего года, и капитальными вложениями предыдущих лет, вошедшими в продукцию следующего года.

Итак, удельный вес I подразделения в общественном

[80] Все расчеты велись по валовой продукции. Коэффициент пересчета чистой продукции в валовую был принят как и в США за 2,1. Необходимо отметить, что для такого пересчета нет оснований, так как он не учитывает несходство структур советского и американского хозяйств.

[81] *Власов М. Е.* Можно ли применять схемы воспроизводства Маркса к хозяйству СССР.— Проблемы экономики, 1931, № 10—12.

продукте определяется следующей формулой $H = T \times h_2 \times k_2$. Из этой формулы Власов делает вывод, что «каждое увеличение темпа роста продукции на 10% требует увеличения в той же степени на те же 10% удельного веса I подразделения — иначе повышение темпа не произойдет фактически»[82]. Такой вывод был связан с современной Власову практикой хозяйственного развития, насыщением хозяйства техникой. Последующая практика показала, что удельный вес I подразделения может оставаться стабильным в отдельные периоды или даже снижаться при растущих темпах роста продукции народного хозяйства и наоборот. Важную роль здесь играет качество применяемой техники.

Анализируя рабочую гипотезу генерального плана комиссии Ковалевского, так же как и модель Фельдмана, следует помнить, что это прежде всего первая попытка определения народнохозяйственного оптимума, исходящего из основной цели социалистического производства. И хотя данная попытка не удалась, в процессе работы были поставлены такие важные для методологии планирования проблемы, как соотношение потребления и накопления, зависимость нормы накопления от его эффективности, зависимость темпов роста потребления не только от роста производительности труда, но и от соотношения фондовооруженности труда и фондоотдачи. Эти проблемы получили развитие в дальнейшем.

В начале своей деятельности комиссия Ковалевского разработала «Тезисы о дальнейшей работе по составлению генерального плана народного хозяйства СССР», утвержденные Госпланом в феврале 1928 г. В них провозглашались следующие методы:

1) выявление оптимальных линий развития (производственных и социальных) по отраслям, районам и всему народному хозяйству с четкой формулировкой цели;

2) метод критического сопоставления проектируемых мероприятий с динамикой прошлого развития экономики СССР и капиталистических стран;

3) метод исчисления необходимых масштабов производства продукции по закону цепной связи производства и отраслей народного хозяйства;

[82] *Власов М. Е.* Можно ли применять схемы воспроизводства Маркса к хозяйству СССР.— Проблемы экономики, 1931, № 10—12, с. 125.

4) метод последовательных приближений, применяемый для отраслей и районов;

5) метод экспертных оценок, применяемый для оценки новейших достижений техники. Метод простой статистической экстраполяции комиссия решительно отвергла [83].

В действительности комиссия не смогла применить провозглашенные ею методы. Ее работа фактически свелась к произвольному использованию модели Фельдмана, которая, как всякая экономико-математическая модель, не могла дать качественной интерпретации протекающих социально-экономических процессов, без чего невозможно ее практическое применение. Г. М. Кржижановский, критикуя работу комиссии Ковалевского, указывал на необходимость проникновения в сущность действительности, выявления процесса ее развития, тогда станут наглядны ее ведущие звенья. С этих же позиций критиковал «рабочую гипотезу» Н. А. Вознесенский, который подчеркивал односторонность метода комиссии Ковалевского, характеризовал его как «математическую экстраполяцию». Такая методология, писал он, ничего общего с диалектикой не имеет, ибо она подменяет чрезвычайно сложный и многообразный диалектический метод математическим методом [84].

В своей работе комиссия Г. И. Ломова учла недостатки «рабочей гипотезы» плана комиссии Н. А. Ковалевского и начала свою деятельность с попытки прогноза технического прогресса. Доклад по этому вопросу был сделан на одном из первых заседаний комиссии академиком А. Ф. Иоффе. Основная мысль его выступления, не утратившая актуальности и сейчас, заключалась в том, что развитие научно-технического прогресса нужно не только предвидеть, но и стимулировать. Среди крупных научно-технических проблем А. Ф. Иоффе называл использование солнечной энергии «путем фотохимии» и «использование той разницы температур, которая существует в Северном Ледовитом океане и в холодных северных реках и воздухом». Эти предложения многим казались фантастическими. Исследования последних лет показали, насколько они реальны. В области электрификации

---

[83] *Курский А. Д.* Научные основы советских пятилеток. М.: Наука, 1974, с. 328.

[84] *Вознесенский Н. А.* К вопросу об экономике социализма.— Большевик, 1932, № 1—2, с. 39.

А. Ф. Иоффе считал основной задачей создание единой высоковольтной системы. Ее решение требовало научной разработки трех проблем: передачи больших количеств энергии на большие расстояния, перехода с переменного тока на постоянный, перехода с воздушной сети на кабельную.

Комиссия Ломова сосредоточила внимание на более близких задачах технического прогресса, которые можно было бы реализовать в ближайшем будущем. Однако само предложение прогнозировать научно-технический прогресс так же, как и планировать научно-исследовательскую работу в связи с задачей повышения качественных показателей производства можно считать важным шагом в разработке методологии планирования.

Сейчас чрезвычайно актуально звучит резолюция Первой всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы, где, в частности, указывалось, что особое внимание при составлении сводных планов необходимо уделить комплексным проблемам, которые подлежат расчленению на составные части. При этом «выясняется спрос на научно-исследовательские работы по различным составляющим моментам от поисковых работ, изучения качественно различных видов топлива, металла, технологических процессов обработки вплоть до конструкции машин и аппаратов». «В связи с этим классификационное деление проблем,— говорилось в резолюции,— целесообразно строить не по дисциплинам, а по группам проблем, непосредственно вытекающих из практики, причем общетеоретические вопросы отсеиваются в самом процессе формирования плана и объединяются с другими аналогичными проблемами по признаку родства для общего их решения» [85].

Комплексный подход в планировании научно-исследовательской работы в промышленности обосновывался прежде всего необходимостью улучшения качества продукции. В резолюции конференции указывалось, что борьба за повышение качества необходима одновременно на всех ступенях народного хозяйства: «Борьба за повышение качества промышленной продукции не может быть основана на отдельных разрозненных обследованиях, слу-

---

[85] Первая Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. Вып. 9. М.— Л., Соцэкгиз, 1931, с. 7.

чайных директивах и т. д.,— было записано в резолюции конференции.— В этом отношении необходимо разработать четкий календарный план, который увязал бы все намечаемые мероприятия по качеству промышленной продукции в определенной последовательности, наметил бы сроки их выполнения и установил организационные формы проверки исполнения этих мероприятий» [86].

Как было показано выше, комиссия Ковалевского основное внимание сосредоточила на проблемах эффективности народного хозяйства, но исходила из нереальных посылок. Основной причиной такого положения было отсутствие технико-экономического обоснования проектировок комиссии. Комиссия Ломова пыталась восполнить этот пробел, и ее разработки сыграли положительную роль в проектировании технико-экономических показателей второй пятилетки, система которых выражала взаимозависимость между отраслями и внутри них.

Технико-экономические расчеты использовались комиссией при нормировании производства промышленной продукции. До второй пятилетки в нормировании производства преобладали опытно-статистические нормы. Разработки комиссии Ломова использовались также для выработки технически обоснованных норм в области электроэнергии, например, для показателей использования оборудования — часы работы электростанций, для показателей расхода электроэнергии, топлива, сырья и материалов — расход условного топлива на 1 квт-час. электроэнергии [87]. В материалах к Всесоюзной электротехнической конференции подчеркивалась необходимость в подсчете годового потребления электроэнергии обратить внимание на зависимость последнего не только от размера и роста выпускаемой продукции, но и от расчленения производственного процесса на отдельные элементы.

---

[86] Там же, с. 26.

[87] Во второй пятилетний план было включено пять групп технико-экономических показателей: применение наиболее совершенного оборудования и технологических процессов, использование оборудования, механизация трудоемких процессов, использование электроэнергии, топлива, сырья и материалов, качество продукции. Технико-нормировочная работа осуществлялась в три этапа: исследование производственного процесса и организации труда, проектирование новых рациональных форм использования оборудования и рабочей силы, инструктаж как метод внедрения технических норм.

Метод удельных расходов электроэнергии на единицу продукции предлагалось усовершенствовать путем учета влияния на удельный расход электроэнергии применения различных технологических методов производства, сортамента выпускаемой продукции, вида, сорта и состава перерабатываемого сырья; применения различных способов его добычи; степени механизации и электрификации производственного процесса и степени технического уровня предприятия, организации и технико-экономической структуры производства; серийности, стандартизации, специализации, применения конвейеров. На основе этого предлагалось составить топливный и энергетический балансы.

Принципы составления энергетического баланса были разработаны участником комиссии Г. И. Ломова В. И. Вейцом. Баланс должен был освещать две группы проблем. Первая связана с рассмотрением структуры и эффективности работы самого энергетического хозяйства, вторая — с определением влияния энергетики на развитие производительных сил, производительности труда и эффективности производства[88]. Энергетический баланс составлялся двумя методами. По первому методу подготавливался расчет потребности в электроэнергии по отдельным узлам и системам и к нему приплюсовывалась ориентировочная цифра потребления энергии в точках, не охваченных этими узлами. Второй метод заключался в расчете потребления энергии в зависимости от роста промышленной продукции, развития электрификации транспорта, роста городского потребления электроэнергии и т. д. Таким образом, методы взаимно контролировались.

Расхождения в цифровых показателях, рассчитанных согласно этим методам, составляли 5—7%. Потребность в энергии по промышленности вычислялась по удельным нормам расхода электроэнергии на единицу продукции в натуре для каждой отрасли. Нормативы расхода энергии принимались с учетом повышения коэффициента электрификации и механизации производства. Примененный метод отличался от метода составления баланса потребности в электроэнергии для первой пятилетки, когда было

---

[88] *Вейц В. И.* Народнохозяйственная система экономико-статистического изучения энергетики и энергофикации промышленности.— Вестник статистики, 1928, кн. 30, № 2.

принято допущение, что расход механической энергии на 1 руб. валовой продукции промышленности остается в течение пятилетки неизменным и расчеты производились исходя из средней нормы расхода электроэнергии для промышленности.

Одно из отличий второго пятилетнего плана от первого составляла бо́льшая балансовая увязка отраслей. В «Основных указаниях к составлению второго пятилетнего плана» говорилось: «При составлении отраслевых и районных планов необходимо пользоваться балансовым методом для проверки каждого из вариантов составления планов»[89]. На вторую пятилетку не было составлено единого народнохозяйственного баланса, но его необходимость стала очевидной. Форсированное развитие тяжелой промышленности не могло в существующих тогда условиях не привести к небалансу.

В связи с этим постановка вопроса о соотношении потребления и накопления была у комиссии Ломова иной, чем у комиссии Ковалевского. Если Г. А. Фельдман и Н. А. Ковалевский исходили из того, что оптимизация соотношений между потреблением и накоплением лежит на пути максимизации последнего, то академик И. Г. Александров — член комиссии Г. И. Ломова — предлагал подсчитать исходя из душевых норм потребления его совокупный фонд, уменьшение которого привело бы к подрыву материальной заинтересованности трудящихся и в результате этого снижению темпов экономического роста. И. Г. Александров предложил избрать в качестве методологической основы генерального плана взаимозависимость между производительностью труда и потреблением. Всю продукцию страны он разделил на следующие элементы: «а) удовлетворение жизненных потребностей населения, б) поддержание в порядке существующего производства, в) развитие дальнейшего роста производства, г) резервы, д) расходы на управление страной»[90].

Задача заключалась в определении оптимального «для наиболее быстрого прогресса страны соотношения между этими частями». Рассматривая удовлетворение жизненных потребностей как основную цель всякой экономики, И. Г. Александров подчеркивал влияние этого уровня на

[89] Основные указания к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937). М.: Госплан, 1932, с. 7.
[90] ЦГАНХ, фонд 4372, опись 29, дело 1137, лист 28а.

рост производительности труда, который обусловлен технической вооруженностью труда и степенью культуры трудящихся. И. Г. Александров считал, что рост технической вооруженности труда при прочих равных условиях ведет к росту производительности труда до определенного предела, после которого начинается его снижение в результате наступающего несоответствия с принципом материальной заинтересованности.

Это положение, сейчас бесспорное, в то время звучало новаторски и было ступенью к пониманию того, что рост нормы накопления сверх определенного для каждого времени предела ведет к снижению темпов экономического развития. Путь к достижению высоких темпов — не только повышение нормы накопления, но и рост его эффективности. Этот рост обусловливался, по мнению И. Г. Александрова, наиболее эффективной технической формой производства, рациональной формой размещения и комбинирования производства, созданием мощного и дешевого транспорта и систем энерго- и водоснабжения, хорошей сырьевой базой, правильной организацией производства.

Хотя программа И. Г. Александрова была прогрессивна даже с позиций сегодняшнего дня, методология, предложенная им, не была доведена до конкретных установок в планировании. Комиссия Ломова в отличие от комиссии Ковалевского не ставила своей задачей составление единого народнохозяйственного плана, хотя предложения Александрова являются определенным вкладом в методологию его разработки. Основой работы комиссии являлось составление плана электрификации на вторую и третью пятилетки, причем подавляющее большинство материалов касалось плана электрификации на вторую пятилетку. Но так как составить план электрификации нельзя в отрыве от планирования основных народнохозяйственных показателей, то поэтому комиссия Ломова использовала черновые варианты второй пятилетки[91], составленные до подведения итогов первой пятилетки и механически продолжавшие ее тенденции.

Планируя дальнейшие серьезные сдвиги в пропорциях, составители черновых вариантов руководствовались

---

[91] В 1931 — начале 1932 г. были подготовлены два, а по некоторым показателям три варианта второй пятилетки.

указаниями к выполнению первой пятилетки, когда начальные этапы индустриализации требовали коренной ломки структуры производства и высоких темпов роста народного хозяйства. Необходимость таких темпов объяснялась спецификой времени, а не трактовкой их как самоцели. Составители же черновых вариантов подошли к ним именно так и экстраполировали в чистом виде тенденции первой пятилетки.

В первом черновом варианте намечался рост валовой промышленной продукции за пятилетку в 4,2 раза (в действительности она возросла в 2,2 раза), выработка электроэнергии должна была увеличиться в 7,4 раза и доводилась до 100 млрд. квт-час. (в действительности она достигла 36,4 млрд. квт-час. и возросла в 2,7 раза), добычу угля предполагалось довести до 640 млн. т (в действительности она составила в 1937 г. 128 млн. т), выплавку стали до 60 млн. т (в действительности в 1937 г. было выплавлено 17,7 млн. т) [92].

К планированию общих народнохозяйственных показателей составители черновых вариантов подошли осторожней, эти показатели меньше отличались от утвержденного варианта второй пятилетки. Например, в первом, черновом, варианте предполагалось, что национальный доход в 1937 г. составит 237% по сравнению с 1932 г., во втором варианте соответственно — 224,2%, в принятом варианте — 220,2%, в действительности он составил 211,6% [93]. Но и эти более реальные показатели темпов были не связаны с темпами роста промышленности и ее отдельных отраслей. В черновых вариантах метод экстраполяции был применен не только при планировании показателей, но и при планировании тенденций. Среднегодовой темп роста группы «А» в промышленности намечался в 137%, а группы «Б» — 128,5%, а в принятом варианте, который составлялся исходя из итогов первой пятилетки, намечался более быстрый рост темпов группы

---

[92] *Сорокин Г. М.* Проблемы воспроизводства и планирования социалистической экономики. М.: Наука, 1976, с. 210—211.

[93] Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, т. 1. М.: Госплан, 1934, с. XXIV; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1939, с. 13.

«Б» (среднегодовой темп роста — 118,5%), чем группы «А» (среднегодовой темп роста — 114,5%) [94].

На XVII съезде ВКП(б) подчеркивалось, что важнейшей особенностью второй пятилетки является изменение темпов развития производства средств производства (промышленность группы «А») и производства средств потребления (промышленность группы «Б»). Если задачей первой пятилетки являлось создание тяжелой индустрии как базы технического перевооружения всего хозяйства, то теперь появилась возможность ускоренно двигать вперед и тяжелую, и легкую промышленность, добиваясь особенного ускорения производства предметов широкого потребления. Темпы роста капвложений в промышленность, производящую предметы потребления, должны были в 1,8 раза превышать их в промышленности, производящей средства производства [95].

Как известно, осуществить эту программу полностью не удалось в связи с международной обстановкой, но планирование ускоренного роста группы «Б» по сравнению с группой «А» практически показало, что форсированные темпы роста тяжелой промышленности — не цель социалистического производства, а основа для роста народного благосостояния [96].

В 1932 г., как уже указывалось, были изданы «Основные указания к составлению второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». Если в «Общих предпосылках к генеральному плану реконструкции народного хозяйства» (комиссия Осадчего) предлагалось экстраполировать тенденции дореволюционного хозяйства, в плане комиссии Ковалевского в какой-то мере экстраполировались тенденции восстановительного периода, то в черновых вариантах второй пятилетки и в плане комиссии Ломова за базу принимались тенденции первой пятилетки. Но и эта экстраполяция не могла привести к правильному решению, так как задачи второй пятилетки отличались от первой. Главное отличие заключа-

[94] Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, т. 1, с. 427, 455, 430.

[95] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 2. М.: Политиздат, 1967, с. 452.

[96] Значительное опережение темпов роста отраслей группы «А» по сравнению с группой «Б» в промышленности — в 3,1 раза — в период первой пятилетки, снизилось во вторую и третью пятилетки до 1,4 — 1,6 раз.

лось в том, что на первое место выдвигались вопросы повышения народного благосостояния. Таким образом, стало окончательно ясно, что чистая экстраполяция в планировании невозможна. Из этого исходили «Основные указания к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР».

Если комиссия Осадчего исходила из чисто отраслевого подхода к составлению плана, а комиссия Ковалевского — из народнохозяйственного, но не обосновала его технико-экономическими расчетами, то в «Основных указаниях...» рекомендовались конкретные пути увязки отраслевых планов в единый народнохозяйственный. Важная роль в такой увязке отводилась последовательности рассмотрения показателей составления плана. Пятилетний план предлагалось формировать в три этапа. Первый охватывал основное направление плана: планирование естественных богатств и ресурсов, включая трудовые. На базе этого проектировалось развитие производительных сил, определялась техническая политика, основанная на важнейших достижениях науки и техники. Показатели разрабатывались по отраслям и районам.

Второй этап заключался в комплексной проработке плана, цель которой — установление взаимозависимостей и народнохозяйственных связей внутри данной отрасли (района) и между отраслями, районами и экономикой страны в целом. На третьем этапе связывались воедино отдельные части плана «в точных цифровых выражениях» и давался окончательный его вариант [97]. В качестве основных методов предлагалась система материальных, финансовых и трудовых балансов, базирующихся на технико-экономических показателях производства, и метод последовательных вариантных приближений.

При подготовке плана второй пятилетки все же не удалось составить единый народнохозяйственный баланс, но при составлении отраслевых и районных планов, а также некоторых синтетических балансов балансовый метод стал ведущим. Эти балансы сыграли важную роль в плановом перераспределении накоплений между районами и отраслями. В «Основных указаниях...» подчеркивалось, что «при составлении отраслевых и районных

---

[97] Основные указания к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР, с. 6.

планов необходимо пользоваться балансовым методом для проверки каждого из вариантов составляемых планов. Исходя из положения, что социалистическое размещение производительных сил требует перераспределения накоплений между районами в пользу новых районов, необходимо в то же время по каждому району и каждой отрасли подсчитать общий баланс накопления, устанавливая: какие части необходимых вложений могут быть покрыты собственным накоплением, какие части могут быть переданы общему государственному фонду или получены из него. Должен подлежать проверке баланс строительных материалов при районном планирования исходя из необходимости максимального покрытия стройматериалами внутрирайонного происхождения производимого капитального строительства, баланс рабочей силы, в особенности в новых районах, баланс кадров, баланс продовольственного и товарного снабжения.

Все эти балансы должны служить средством для проверки правильности запроектированных соотношений между отдельными отраслями промышленности внутри района и по отношению к народному хозяйству СССР в целом. При отраслевом планировании необходимо сверх этого проверить план при помощи провизорного баланса» [98].

Таким образом, «Основные указания...» утвердили новый подход к балансу. В них сбалансированность понималась не как внеисторическая категория, свойственная любому социальному типу, а трактовалась как необходимый инструмент увязки развития отраслей и районов исходя из целевых установок плана.

Оценивая вклад разработок комиссий генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов в методологию планирования, следует подчеркнуть следующие моменты.

1. Обсуждение и составление генерального плана показало обязательность обстоятельного научного анализа исходного периода и фундаментального обоснования целей долгосрочного плана.

2. Комиссия Ковалевского впервые предложила использовать в долгосрочном планировании экономико-ма-

---

[98] Основные указания к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР, с. 7.

тематические методы (модель Фельдмана), которые получили широкое развитие на современном этапе планирования. Неудача в практическом применении модели Фельдмана показала необходимость строить модели на основе длительного изучения моделируемых процессов, познания их природы и законов развития.

3. Наибольшую трудность при составлении генерального плана представляла разработка технической программы и ее увязка с социально-экономической стороной плана. Преодолеть эту общую для всех периодов планирования трудность в генеральном плане комиссии Ломова предлагалось путем разработки научно обоснованных технико-экономических показателей производства. Этот путь в настоящее время считается вполне реальным. Предложения комиссии сводились к следующему: разработка таких технико-экономических показателей, которые бы стимулировали развитие новой техники; определение эффективности новой техники с точки зрения не только сегодняшнего дня, но и будущего; использование технико-экономических показателей в качестве связующего звена между планированием технического прогресса и эффективностью общественного производства.

4. Разработки по генплану конца 20-х — начала 30-х годов послужили толчком к плодотворным дискуссиям по проблемам долгосрочного планирования. Важнейшим результатом этих дискуссий было доказательство того, что единственно научной основой планирования является марксистско-ленинская теория воспроизводства.

Глава третья

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОЕКТИРОВОК НА ГЕНЕРАЛЬНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ

1. Проектировки комиссии П. С. Осадчего и развитие советской экономики

Методология планирования и реальность планов проверяются практикой. Сравнение установок комиссий по генеральному плану с фактическим развитием народного хозяйства СССР возможно на основе тех показателей, которые определяют стратегию хозяйственного развития. Это — темпы роста национального дохода, соотношение между потреблением и накоплением, соотношение развития легкой и тяжелой промышленности, промышленности и сельского хозяйства, важнейших отраслей I подразделения общественного производства.

План, предложенный комиссией П. С. Осадчего, состоял в основном из отраслевых разработок. Удвоение национального дохода на душу населения, как уже отмечалось, выдвигалось в качестве методологической установки без указания конкретных сроков ее выполнения. П. С. Осадчий писал: «Зависимость осуществления генерального плана от размеров вложений в основной капитал требовала, чтобы продолжительность выбранного периода определялась не календарным сроком, а размерами возможных накоплений народного богатства внутри страны, отвечающих по своему масштабу обширности реконструктивных задач. Исходя из этих экономических соображений, мы намечаем для генерального плана период времени, в течение которого реальный доход на душу населения удвоится по сравнению с доходом в 1925/1926 операционном году» [1].

Соотношение между потреблением и накоплением в национальном доходе П. С. Осадчий предлагал рассчитать следующим образом: показатель прироста национального дохода на душу населения помноженный на показатель прироста населения (по расчетам комиссии 32% за 15 лет, а в действительности — около 16%) дает показатель прироста национального дохода, который в рав-

[1] Правда, 1927 г., 16 мая.

ной мере делится между потреблением и накоплением. Ошибка Осадчего состояла в том, что постоянное расходование 50% прироста национального дохода на накопление приводит к росту нормы накопления и за длительный период к использованию 50% всего дохода на накопление, т. е. к норме накопления, равной 50%, комиссия же рассчитывала на стабильную, низкую норму накопления.

В действительности прирост национального дохода в годы мирных пятилеток составил свыше 100 млрд. руб. (цены 1926/1927 г.), а прирост фонда потребления — около 73 млрд. руб., или 73% прироста всего национального дохода, что соответствовало в среднем соотношению фонда потребления и накопления за период 1928—1940 гг. (доля фонда накопления колебалась от 30,3 до 21,3%, а потребления соответственно от 69,7 до 78,7%). Осадчий не учитывал и того, что накопление должно быть обеспечено реальным приростом фондов. По его расчетам, темпы роста продукции отраслей тяжелой промышленности значительно отставали от темпов роста продукции легкой промышленности, таким образом, предложенная норма накопления материально не обеспечивалась.

Проблему соотношения потребления и накопления разрабатывал член комиссии Осадчего — М. Н. Соболев, который в основном пользовался методом динамических коэффициентов и исходил из «затухающей кривой» роста национального дохода. Верхним и недостижимым пределом прироста национального дохода брался его прирост в США. Этот прирост составлял в США до 1914 г. от 5 до 10% в год. Исходной базой для расчета М. Н. Соболева служил 1926/1927 хозяйственный год, когда в СССР прирост национального дохода, по подсчетам Соболева, составлял 8,2%. В следующие четыре года автор предполагал снижение этого прироста — до 7; 6,5; 6; 5% соответственно. Затем в 1941 г. прирост национального дохода должен был составить 6%, что соответствовало приростам национальных доходов в западноевропейских странах. Рост фонда накопления, считал Соболев, зависит и от частного сектора, поэтому частный сектор, по его мнению, будет укрепляться до 1940/1941 г. и на его долю будет приходиться 15% от общей суммы накопления. Более того, М. Н. Соболев предлагал идти по линии укрепления индивидуальных хозяйств, т. е. практически

призывал поддерживать кулака. Индивидуальные хозяйства, по мнению Соболева, были основным экстенсивным источником накопления. Норма накопления проектировалась Соболевым на 1941 г. в 14%. При предложенных темпах роста народного хозяйства это означало, что за период генерального плана национальный доход и фонд потребления должен увеличиваться в 2 раза. В действительности при средней величине за период 1928—1940 гг. нормы накопления около 25% фонд потребления возрос почти в 4 раза, а весь национальный доход — более чем в 5 раз. Таким образом, значительно более низкая, чем она оказалась в действительности, плановая норма накопления (14% вместо 25%) приводила к значительно меньшим показателям роста фонда потребления.

Основным источником накопления для народного хозяйства комиссия Осадчего считала сельское хозяйство. Поэтому построение генерального плана народного хозяйства страны начиналось с планирования развития сельского хозяйства. В построении гипотезы генерального плана развития сельского хозяйства Н. П. Огановский, занимавшийся вопросами сельского хозяйства при разработке генерального плана, исходил из роста числа индивидуальных хозяйств (с 22 млн. до 40 млн.). Конкретные расчеты роста сельскохозяйственной продукции основывались на данных роста населения (он предполагался в 130%), норм потребления, емкости рынка и цен. Рост норм потребления исчислялся из расчета удвоения среднего дохода на душу населения. Н. П. Огановский предлагал также резко снизить промышленные цены, не указав их возможную величину. Он предлагал также постепенно снижать темпы поставки машин сельскому хозяйству следующим образом: в 1927 г. прирост поставки машин по отношению к предшествующему году должен был составить 30%, в 1930/31 г.— 10; в 1935/36 г.— 3 и в 1940/41 г.— 2,5%.

В действительности снабжение сельского хозяйства машинами представляло следующую картину. Число тракторов (в пересчете на 15-сильные) увеличилось с 18 тыс. в 1928 г. до 148 тыс. в 1932 г., до 561 тыс. в 1937 г. и до 684 тыс. в 1940 г. Число комбайнов увеличилось с 25,4 тыс. в 1932 г. до 168,9 тыс. в 1940 г. (среднегодовой темп прироста составил 26,7%). Число грузовых автомобилей, используемых в сельском хозяйстве, возросло

с 0,7 тыс. в 1928 г. до 14 тыс. в 1932 г., 146 тыс. в 1937 г. и до 228 тыс. в 1940 г. Таким образом, снабжение сельского хозяйства машинами происходило устойчиво высокими темпами.

Все конкретные установки плана Огановского были ориентированы на несоциалистическое развитие сельского хозяйства и направлены против коллективизации. Между тем к концу 20-х годов необходимость коллективизации стала насущной задачей. Нарастало несоответствие между развитием социалистического и частнохозяйственного секторов. Объем всей продукции составил в 1929 г. по отношению к 1928 г. (в ценах 1928 г.) 110,6%, в том числе по социалистическому сектору — 130,7%, по частнохозяйственному — 92,3% [2]. В сельском хозяйстве в 1928 г. на частнохозяйственный сектор приходилось 97,9% всей сельскохозяйственной продукции. Мелкое крестьянское хозяйство использовало отсталую технику, в хозяйстве же кулаков применялись машины, что позволило здесь производить товары более низкой себестоимости, чем в хозяйстве бедняков и середняков. Поэтому коллективизация поддерживалась всем трудовым крестьянством.

На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) была поставлена задача ускорения коллективизации, которая давала возможность сосредоточить в руках государства запасы сырья и прежде всего хлеба. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. показал, что справиться с кулаком только экономическими мерами невозможно. В 1927 г. хороший урожай на технические культуры и благоприятная обстановка на сырьевом рынке позволили зажиточной части деревни покрыть издержки производства за счет продажи продуктов животноводства, сырьевых культур и придержать хлеб. К январю 1928 г. было заготовлено всего лишь 51,3 млн. ц зерна, в то время как в первую половину 1927 г. было заготовлено 70,2 млн. ц [3]. Советское государство не имело ни достаточных запасов зерна, ни достаточных валютных резервов, чтобы ликвидировать спекуляцию зерном сельской буржуазией экономическим путем.

---

[2] Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929, 1930 гг. М.: Госплан, 1932, с. 41.
[3] История СССР, т. 8. М.: Наука, 1967, с. 428.

Значительные трудности в снабжении населения привели к необходимости применения чрезвычайных мер против спекулянтов. В результате к апрелю 1928 г. хлеба было получено больше, чем к апрелю 1927 г. В целом же, несмотря на чрезвычайные меры, за 1927/28 г. государство заготовило хлеба на 5,3% меньше, чем в 1926/1927 г.

Для того, чтобы обеспечить плановое снабжение населения и армии хлебом государству пришлось сократить экспорт и хлебные запасы. За счет этого на внутреннем рынке в 1927/28 г. хлеба было использовано на 28,8% больше, чем в 1926/27 г. Существующий уровень развития сельского хозяйства не мог удовлетворить потребности страны в сырье и продовольствии, необходимость его коренной перестройки стала очевидна. Однако реорганизация сельского хозяйства помимо трудностей, связанных с отсталостью технико-экономической базы страны, потребовала преодолеть и исконную привязанность крестьян к частной собственности на землю и жесточайшее сопротивление кулачества.

Сужение кулацкого хозяйства привело к «проеданию» фондов. Доля накопления в чистом доходе сельскохозяйственного сектора составляла в 1928 г. +10,2%, в 1929 г. она равнялась уже —5,1%, а в 1930 г. была еще ниже: —12,5% [4]. Потребление сельскохозяйственного населения превышало чистую продукцию сельского хозяйства в 1928 г. на 2031 млн. руб., в 1929 г.— на 3604,7 млн. руб., в 1930 г.— на 2190,5 млн. руб.[5] Для сохранения производительных сил сельского хозяйства необходимо было обобществить средства производства. Итоги выполнения довоенных пятилеток по сельскому хозяйству несмотря на громадные трудности коллективизации показали, что с точки зрения долгосрочных интересов советского народа это был единственный верный путь. Достаточно сказать, что в результате обобществления средств производства личный доход в среднем на один колхозный двор (трудодни плюс доходы от личного подсобного хозяйства и от работы вне колхозов) увеличился только за вторую пятилетку в 2,7 раза [6]. Для сравнения скажем, что Огановский

[4] Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг., с. 30.
[5] Там же, с. 29.
[6] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. 3. М.: Гос-

верхним пределом их увеличения за 15 лет считал рост в 2 раза.

Личные доходы колхозников зависели от объема производства сельскохозяйственной продукции, от роста производительности сельскохозяйственного труда. Создание крупного социалистического хозяйства позволило повысить с 1928 по 1940 г. производительность труда в сельском хозяйстве в 1,7 раза [7]. По расчетам П. И. Лященко, в 1922—1925 гг. в единоличном крестьянском хозяйстве на производство 1 ц зерновых затрачивалось 3,2 человеко-дня, на 1 га посева — 20,8 человеко-дня. В колхозах же к концу второй пятилетки на 1 ц зерновых затрачивался 1 человеко-день, на 1 га посева — 10,5 человеко-дня [8].

Рост производительности труда в сельском хозяйстве осуществлялся за счет роста его фондовооруженности. Неделимые фонды в среднем на один колхоз возросли с 22 тыс. руб. в 1932 г. до 118 тыс. руб. в 1940 г.[9] В 1940 г. на один колхоз приходилось в среднем 0,5 тыс. га, 2,4 трактора в пересчете на 15-сильные, 35 свиней, 85 голов крупного рогатого скота, в том числе 24 коровы. По совхозам эти показатели были значительнее; на один совхоз приходилось в 1940 г. 2,8 тыс. га, 24 трактора (в пересчете на 15-сильные), количество свиней достигало 459, голов крупного рогатого скота — 592, в том числе коров — 229 [10]. Преимущества социалистического сельского хозяйства перед частным были очевидны. Валовая продукция сельского хозяйства выросла за 1913—1940 гг. на 41%, в том числе земледелия — на 55, животноводства — на 14, товарная продукция — соответственно на 65%, в том числе земледелия на 98 и животноводства — на 24%. Значительно возросла товарность продукции сельского хозяйства. Если доля товарной продукции в валовой в 1913 г. составляла 32%, то в 1940 г. она повысилась до 40%, в том числе по земледелию с 29 до 37%, по животноводству с 38 до 46% [11]. Социалистический путь развития сельского хозяйства доказал свою жизненность.

политиздат, 1956, с. 423.

[7] Страна Советов за 50 лет. М.: Статистика, 1968, с. 29.

[8] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. 3, с. 483.

[9] Историческая энциклопедия, т. 7, с. 498.

[10] Там же.

[11] Народное хозяйство СССР в 1961 г. М.: Статистика, 1962, с. 296—297, 292.

Предложения комиссии П. С. Осадчего по сельскому хозяйству исходили из развития СССР как аграрно-промышленной страны, а внутри промышленности — из преимущественного развития легкой промышленности. Высокая норма накопления, предложенная Осадчим, не увязывалась с развитием отраслей I подразделения общественного производства, что было связано, в частности, с ориентацией на ввоз продукции этих отраслей из-за границы. Показатели развития тяжелой промышленности, планируемые Осадчим, были меньше тех, которых фактически достигла страна к 1940 г., что видно из следующих данных (млн. т):

	Плановые проектировки комиссии П. С. Осадчего	Фактические данные	Отношение фактических данных к проектировочным
Производство			
чугун	11,2	14,9	1,3
сталь	11,2	18,3	1,6
прокат	9,4	13,1	1,4
Добыча			
уголь	88	165,9	1,9
нефть	16	31,1	1,9
торф	19,2—22,4	33,2	1,7—1,5

В комиссии Осадчего план развития металлургии разрабатывал Р. Я. Гартван, который также исходил из теории «затухающей кривой», объясняя ее «заграничной практикой и прошлым опытом России».

Постепенное затухание темпов Р. Я. Гартван предлагал для всех отраслей тяжелой промышленности. В то же время в генеральном плане комиссии Осадчего были зафиксированы форсированные темпы развития легкой промышленности. Показатели развития текстильной промышленности, предложенные комиссией, также значительно отличались от фактических, что видно из следующих данных на 1940 г. (млн. м²):

Производство тканей	План комиссии П. С. Осадчего	Фактически	Отношение фактических данных к проектировочным
Хлопчатобумажные	6900	2715	0,39
Шерстяные	560	155	0,28
Шелковые	105	67	0,63

Таким образом, предложения комиссии Осадчего по генеральному плану объективно вели к зависимости народного хозяйства СССР от внешней торговли в отраслях тяжелой промышленности.

2. Гипотеза комиссии Н. А. Ковалевского и фактические данные о динамике народного хозяйства СССР

Как уже говорилось, рабочая гипотеза развития страны комиссии Н. А. Ковалевского представляла собой народнохозяйственный подход к плану. В зависимости от различных значений фондоотдачи и нормы накопления были составлены восемь вариантов развития народного хозяйства СССР на период 1927/28—1942/43 хозяйственных годов (для седьмого варианта 1927/28—1947/48 гг.)

Сопоставим показатели вариантов с фактическими данными развития СССР в довоенный период.

Первый вариант гипотезы плана был рассчитан на основе постоянно растущих и нормы накопления и фондоотдачи. К концу планируемого периода норма накопления должна была составить 74,9%. В действительности же этот показатель в 1940 г. равнялся 26,3%. Уровень эффективности, который комиссия определяла как отношение национального дохода к основным фондам умноженное на 100, должен был составить в концу планируемого периода 68,2%, фактически он был равен 18%. Рост других показателей в первом варианте планировался такими же нереальными. Темп прироста национального дохода постоянно нарастал и составлял в 1941 г. по отношению к 1940 г. 66,4%, среднегодовой темп его прироста намечался равным 35%, в действительности этот показатель за период 1928—1940 гг. составил 14,6%.

Второй вариант гипотезы плана исходил из растущей нормы накопления и стабильной эффективности на уровне 1929/30 хозяйственного года, когда она, по подсчетам комиссии, должна была составить 36,6%. Расчет нормы накопления по этому варианту проводился комиссией методом остатка. Комиссия исчисляла накопление как разницу между национальным доходом и фондом потребления, рост которого планировался пропорционально росту населения и квалификации работающих. Норма накопления по этому варианту плана должна была достичь к концу планируемого периода 93,9%. Темп прироста

национального дохода планировался с постоянным увеличением, и к концу периода он должен был составить 40,3%. Составители данного варианта сознавали его невыполнимость, но относили это за счет того, что они планировали стабильным уровень эффективности и потребления на душу населения.

Рассчитывая второй вариант плана, комиссия игнорировала зависимость между потреблением и накоплением. Запланировав стабильность потребления на душу населения, комиссия не учла того, что это неизбежно приведет к снижению производительности труда из-за подрыва материальной заинтересованности, а значит — и к снижению темпов роста национального дохода, а, следовательно, ограничит рост фонда накопления.

Третий вариант гипотезы плана рассчитывался при допущении стабильности нормы накопления и уровня эффективности. Темпы же прироста национального дохода, фонда накопления и фонда потребления предполагались одинаковыми и постоянными на уровне 1929/30 г., т. е. 14,8%. Стабильная норма накопления (37,7%), по предположениям комиссии, позволит поднять в первые годы выполнения плана уровень потребления, причем он будет выше запланированного в первом варианте. Планируя повышение уровня потребления, комиссия не поставила основного вопроса, без которого нельзя было осуществить это повышение, каким должно быть соотношение между потреблением и накоплением, чтобы к концу планируемого периода достигнуть желаемого уровня потребления. Таким же нереальным оказался *четвертый вариант,* по которому норма накопления в 1942/43 г. предполагалась равной 99,7%.

В пятом варианте гипотезы плана комиссия исходила из двух посылок, стабильного уровня эффективности (для 1931/32 г. 40%) и повышения уровня потребления к 1931/32 г.— на 70%, к 1937/38 г.— на 100, 1942/43 г.— более чем в 7 раз. Сравнение планируемых на 15-летний срок показателей по уровню потребления с достигнутыми также свидетельствует о их нереальности. Так, фонд потребления фактически за период 1928—1940 гг. возрос в 4 раза, вместо планируемых 7 раз. Нереальность этого показателя сочеталась с нереальностью других, например, с постоянно повышающейся нормой накопления, которая достигала к 1942/43 г. 67,7%. На ос-

нове этого варианта была разработана структура промышленного производства для 1942/43 г. Непригодность данного варианта сознавалась самой комиссией, которая признавала фантастичность отдельных показателей плана. Однако ошибка состояла в чисто «арифметическом» подходе к методологии подсчета показателей плана, что не признавалось комиссией.

Шестой (*отправной*) *вариант* гипотезы генерального плана развития народного хозяйства предлагался на рассмотрение Президиума Госплана уже как рабочая гипотеза. Цель генерального плана определялась в этом варианте следующим образом: «... создавая материальную базу благосостояния будущего общества, мы поставили себе в качестве материальной задачи достижение американского благосостояния в 1937/1938 г. Спрашивается: при какой минимальной строительной программе, при каком минимальном расходе материалов и энергии мы сможем получить необходимую для этого продукцию»[12]. Таким образом, ставилась задача отыскания оптимального соотношения между потреблением и накоплением.

Основой для составления отправного варианта брался последний год оптимального варианта первого пятилетнего плана, что было одной из ошибок комиссии. К моменту намечаемого завершения разработки рабочей гипотезы уже были цифры второго пятилетного плана, которыми можно было воспользоваться комиссии. Расчеты по этому варианту велись на основе суммы основных фондов, намечаемых первой пятилеткой к 1931/32 г. Показатель же чистой продукции брался более высоким, чем в первом пятилетнем плане, за счет большего, чем предполагалось, роста эффективности производства. Комиссия считала возможным достигнуть в четыре года благосостояния, намечаемого к концу первой пятилетки.

По шестому варианту в 1928—1932 гг. намечался резкий подъем нормы накопления — с 20,1 до 46,4%, зато к концу планируемого периода проектировалось ее постепенное снижение до 31,8%. Это снижение объяснялось авторами плана тем, что скачок нормы накопления в 1929/30 г., огромный годовой темп прироста капитальных вложений можно сохранить в будущем лишь при нереальном приросте эффективности. По прогнозу комиссии,

[12] *Ковалевский Н. А.* Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР в генплане. М.: Госплан, 1930, с. 34.

эффективность должна была возрасти за 15 лет более чем в 2 раза. Причем наибольший темп ее роста должен был приходиться на период коллективизации сельского хозяйства. В этом плане комиссия не учла слабость технической базы сельского хозяйства и то, что капитальные вложения должны были направляться здесь в основном на первичную механизацию. Первичная механизация обеспечивала не столько рост продукции сельского хозяйства, сколько высвобождение рабочих рук и привела к снижению фондоотдачи в сельском хозяйстве. Если основные производственные фонды возросли здесь за период 1928—1940 гг. в 10,9 раза, то валовая продукция сельского хозяйства за этот же период — только в 1,4 раза. Введение непрерывного производства в промышленности требовало значительного роста фондовооруженности, что также явилось причиной снижения отношения Д/Ф. Однако комиссия не принимала во внимание этих моментов и считала, что принятые в шестом варианте плана темпы развития народного хозяйства вполне приемлемы.

В седьмом варианте гипотезы плана ставилась задача достичь уровня благосостояния народа, который был запланирован в шестом варианте, при значительно более низкой, чем планировалось в этом варианте, норме производственного накопления. Предлагалась следующая норма производственного накопления: 18,6% — в 1927/28 г., 46,4% — в 1931/32 г., 8,8% — в 1942/43 г., 7,1% — в 1947/48 г. Рост эффективности производства, так же как и по шестому варианту, планировался более чем в 2 раза. Расчет показал, что к 1942/43 г. будет достигнут уровень благосостояния в 2,6 раза более низкий, чем он планировался в шестом варианте. Таким образом, доказывалось, что при более низкой, чем предполагалось в шестом варианте, норме накопления нельзя было достигнуть уровня народного благосостояния, запланированного в шестом варианте.

Восьмой вариант должен был дать ответ на вопрос: «Какая же эффективность нам нужна сверх колоссального роста эффективности, запроектированного в шестом варианте, для того, чтобы при норме накопления седьмого варианта получить благосостояние, запроектированное в шестом варианте»[13]. По этому варианту генерального

[13] *Ковалевский Н. А.* Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР в генплане, с. 42.

плана к 1942/43 г. уровень благосостояния должен быть утроен. Причем норма производственного накопления должна была снизиться с 46,4% в 1931/32 г. до 8,8% в 1942/43 г. Эффективность производства планировалась в 2 раза большей, чем по другим вариантам. Этим вариантом комиссия пыталась показать, что высокая эффективность может окупить низкую норму накопления. Однако, как и все прочие варианты, восьмой вариант не давал обоснованной зависимости между эффективностью производства и нормой накопления.

Все варианты комиссии Ковалевского рассчитывались на основе модели Г. А. Фельдмана. Однако Фельдман предложил варианты, составленные им самим: минимальный и максимальный. Эти варианты значительно отличались от вариантов комиссии, что свидетельствовало о возможности различных путей применения модели Фельдмана. Минимальный вариант плана Фельдмана был более реалистичен, чем отправной вариант комиссии, а расчеты Фельдмана по национальному доходу и фонду потребления были вообще близки к действительным. Однако Фельдман ориентировался на свой вариант «высокого напряжения», который по основным показателям был еще фантастичнее отправного (шестого) варианта комиссии.

Критикуя шестой вариант генерального плана комиссии Ковалевского и варианты Фельдмана на основе сравнения их с итоговыми показателями довоенных пятилеток, следует помнить, что на динамику основных народнохозяйственных показателей повлияли трудности коллективизации, которые нельзя было предвидеть в полной мере, и перестройка, начиная с третьей пятилетки, промышленности на оборону. Но, безусловно, расхождение показателей вариантов с действительностью было в основном следствием экстраполяции роста фондоотдачи первых двух лет первой пятилетки на последующий период.

Так, намеченные темпы роста национального дохода в шестом варианте превысили фактические темпы роста национального дохода в первой пятилетке в 1,8 раза, во второй — в 1,7 раза, в 1928—1940 гг.— в 4,7 раза. По минимальному варианту Фельдмана эти показатели составили соответственно 0,9; 1,1; 1,14; по варианту «высокого напряжения» — 1,9; 2,9; 10,1 (табл. 2).

*Таблица 2. Темпы роста национального дохода**

Период	Отправной вариант гипотезы Н. А. Ковалевского	Варианты Г. А. Фельдмана	
		„минимальный"	„высокого напряжения"
1928—1932	333,7	177,0	348,5
1933—1937	365,9	236,2	604,8
1938—1940	196,1	139,7	245,9
1928—1940	в 23,9 раза	583,8	в 51,8 раза

Период	Фактические темпы	Отношение плановых ориентировок к фактическим, раз		
		отправной вариант Н. А. Ковалевского	варианты Г. А. Фельдмана	
			„минимальный"	„высокого напряжения"
1928—1932	186,5	1,8	0,9	1,9
1933—1937	210,0	1,7	1,1	2,9
1938—1940	132,2	1,5	1,06	1,9
1928—1940	512,0	4,7	1,14	10,1

* Рассчитано по: Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР в генплане. М.: 1930, с. 36; Плановое хозяйство, 1929, № 12, с. 126–127.

Темпы роста национального дохода обосновывались темпами роста производственных фондов и фондоотдачи, фонда накопления и его нормы в национальном доходе.

Рост фондоотдачи планировался по отправному варианту Ковалевского для первой пятилетки в 1,4 раза, для второй — в 1,3 раза, а в целом на период 1928—1940 гг.— более чем в 2 раза. По варианту «высокого напряжения» фондоотдача увеличивалась в первую пятилетку почти в 2 раза, а затем стабилизировалась на этом уровне. По минимальному варианту фондоотдача снижалась за период 1928—1940 гг. на 14%. В действительности фондоотдача после ее повышения в первую и вторую пятилетки (соответственно на 15,9 и на 11,7%) значительно снизилась за три года третьей пятилетки (почти на 11%) и к 1940 г. была на уровне 1928 г. Таким образом, более низкая, чем оказалась в действительности,

фондоотдача давала почти такие же, как в действительности темпы роста национального дохода в минимальном варианте Фельдмана.

Кроме фондоотдачи темпы роста национального дохода обосновывались темпы роста фонда производственного накопления и его нормы в национальном доходе.

Из табл. 3 видно, что значительно более высокая, чем достигнутая в действительности, норма накопления и соответственно более высокие темпы роста абсолютного объема фонда накопления корреспондировали значительно более высоким, чем в действительности темпам роста фонда потребления. Единственным обоснованием этого служил предполагаемый рост фондоотдачи, который также оказался значительно больше, чем был достигнут в действительности (табл. 3). Темпы роста фонда накопления превысили действительность для 1928—1940 гг. по отправному варианту в 6,9 раза, что соответствовало превышению по фонду потребления в 3,8 раза. По максимальному варианту Фельдмана это превышение составило соответственно 20,6 и 6,8. По минимальному варианту Фельдмана в целом за период темпы роста фонда накопления оказался в 1,5 раза меньше, чем оказался в действительности, зато данные варианта и действительность по фонду потребления почти совпали. Последнее было связано с тем, что комиссия рассчитывала на рост капиталоотдачи и в соответствии с ним на рост фондоотдачи. В действительности капиталоотдача особенно резко упала в период первой пятилетки (на 53,7%), значительно (на 36,8%) возросла во вторую пятилетку, но в целом к 1940 г. ее уровень составлял 60,4% от уровня 1928 г. Резкое снижение капиталоотдачи в период первой пятилетки было связано с тем, что громадные капиталовложения первой пятилетки, в 2 раза большие, чем капиталовложения за 1918—1928 (без IV квартала), не могли окупиться сразу. Важнейшим резервом повышения эффективности капитальных вложений в этих условиях стало упорядочение фронта капитального строительства.

К началу второй пятилетки незавершенное строительство составляло 13,7 млрд. руб. против 1,7 млрд. руб. к началу первой пятилетки [14]. В подготовительных материа-

---

[14] *Хавин А. Ф.* Краткий очерк истории индустриализации СССР. М.: Госполитиздат, 1962, с. 198.

Таблица 3 ***Норма накопления и темпы роста фонда потребления и накопления***

Период	Отправной вариант гипотезы Н. А. Ковалевского	Варианты Г. А. Фельдмана		Фактические темпы	Отношение плановых проектировок к фактическим, раз		
		«минимальный»	«высокого напряжения»		отправной вариант гипотезы Н. А. Ковалевского	варианты Г. А. Фельдмана: «минимальный»	варианты Г. А. Фельдмана: «высокого напряжения»
			А. Норма накопления				
1928	20,1	19,2	19,2	20,4			
1932	42,5	41,9	43,4	26,9			
1937	33,1	36,9	50,0	26,4			
1940	31,9	33,3	50,0	26,3			
			Б. Темпы роста фонда накопления				
1928—1932	612,5	384,9	506,7	239,2	2.6	1,6	2,1
1933—1937	285,1	208,2	605,4	208,2	1,4	1,0	2,9
1938—1940	153,3	125,9	249,0	132,2	1,2	0,95	1,9
1928—1940	в 45,5 раза	в 10,1 раза	в 135,8 раза	в 6,6 раза	6,9	1,5	20,6
			В. Темпы роста фонда потребления				
1928—1932	236,2	127,3	215,1	168,2	1,4	0,75	1,28
1933—1937	426,2	256,5	605,5	213,8	2,0	1,2	2,83
1938—1940	199,5	147,7	246,0	132,4	1,5	1,1	1,9
1928—1940	в 18,1 раза	в 4,9 раза	в 32 раза	в 4,7 раза	3,8	1,04	6,8

лах к «Основным указаниям к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР» отмечалось, что условия накопления (невозможность далее повышать его норму) и ограниченные возможности транспорта требуют следующего: «а) создание новых производственных мощностей должно быть достигнуто с минимальными затратами как денежных, так и материальных ценностей; б) строительство во втором пятилетии необходимо вести с расчетом наиболее быстрого получения производственного эффекта».

Основным путем к достижению быстрого производственного эффекта предполагалось предпочтение при выборе вариантов строительства тех пунктов, которые расположены ближе к старым индустриальным центрам, так как «здесь возможно более быстрое сооружение предприятия и налаживание производства, а также можно избежать затрат на создание ряда подсобных и смежных производств». «Это же обстоятельство,— указывалось далее в материалах,— делает обязательным в случае строительства крупных предприятий в новых районах, строить их со всем комплексом подсобных и смежных производств, т. е. строить крупнейшие народнохозяйственные комплексы» [15].

Даже неполное осуществление намеченных мероприятий привело к тому, что степень реализации капитальных вложений во вторую пятилетку существенно повысилась в сравнении с освоением капитальных вложений в первой пятилетке. Соотношение между вновь введенными основными производственными фондами и капитальными вложениями составляло во вторую пятилетку 90,4%, а в первую 61,8% [16]. Во вторую пятилетку возросла и роль интенсивных факторов промышленности. Если в годы первой пятилетки увеличение выпуска промышленной продукции шло в основном за счет вовлечения в производство новой рабочей силы, то во вторую пятилетку в этом бóльшую роль стал играть рост производительности труда. Так, за счет роста производительности труда в первой пятилетке был получен 51% всего прироста промышленной продукции, а во второй — 79%.

---

[15] ЦГАНХ, фонд 4372, опись 31, дело 177, л. 5.

[16] Экономика социалистической промышленности. М.: Соцэкгиз, 1940, с. 346.

При выполнении второго пятилетнего плана в освоении капитальных вложений важную роль сыграла организация строительной индустрии, которая вплоть до 30-х годов представляла собой наиболее технически отсталую отрасль. XVI съезд ВКПб (1930 г.) специально остановился на проблемах строительства [17]. Капитальное строительство необходимо было перевести на индустриальные методы: механизировать строительные работы, перейти на круглогодичную работу, создать постоянные кадры строительных рабочих, наладить производство стройматериалов. Даже частичное выполнение этих задач привело к ускорению реализации капитальных вложений во второй пятилетке. Существенное влияние на повышение эффективности капитальных вложений оказало совершенствование планирования строительных работ во вторую пятилетку, когда строительная программа составлялась на основе перечня новостроек, утвержденных правительством. В первую пятилетку эта программа была представлена общим объемом капиталовложений с выделением наиболее крупных строек.

В целом период довоенных пятилеток характеризовался значительным ростом эффективности производства. Производительность труда в промышленности возросла за период 1928—1940 гг. в 3,4 раза, в сельском хозяйстве — в 1,7 раза, в строительстве — в 2,5 раза, на железнодорожном транспорте — в 2,7 раза [18]. Определяющую роль в росте производительности труда сыграло развитие социалистического способа производства при сокращении частного сектора. В 1928 г. удельный вес социалистического сектора в национальном доходе составлял 44%, в 1940 г. частный сектор был уже полностью ликвидирован [19].

Рост национального дохода за счет роста производительности труда, как известно, характеризует роль интенсивных факторов в производстве (при некоторой условности расчетов). В реальной жизни экстенсивные и интенсивные факторы тесно связаны.

---

[17] КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4. М.: Политиздат, 1970, с. 439—440.

[18] Народное хозяйство СССР в 1958 г. М.: Госстатиздат, 1959, с. 152; Страна Советов за 50 лет. М.: Статистика, 1967, с. 59; Народное хозяйство СССР в 1965 г. М.: Статистика, 1966, с. 69.

[19] Народное хозяйство в 1959 г. М.: Госстатиздат, 1960, с. 64.

Возможность экстенсивного расширения производства и вовлечения дополнительной рабочей силы в определенной мере основывается на достигнутом уровне производительности труда. В то же время наращивание производства без дополнительного вовлечения рабочей силы возможно только при достаточно высоком уровне накопленного труда. Рост занятых в таких отраслях материального производства как промышленность, строительство, транспорт в довоенный период происходил в основном за счет уменьшения работников в сельском хозяйстве. Так, численность занятых за годы мирных пятилеток увеличилась: в промышленности в 3 раза, в строительстве — в 2,5, на железнодорожном транспорте — в 1,8, зато в сельском хозяйстве она уменьшилась на 25,3% [20].

Влияние роста численности занятых и роста производительности их труда на увеличение выпуска продукции в годы довоенных пятилеток характеризуется следующими данными. В промышленности среднегодовой темп прироста продукции составил за 1928—1940 гг. 21,3%, а среднегодовой темп прироста производительности труда — 10,8%. Следовательно, 50,7% среднегодового прироста продукции промышленности было получено за счет роста производительности труда, а 49,3% — за счет роста занятости. В строительстве эти показатели составляли соответственно 48,1 и 51,9%, на железнодорожном транспорте — 61,4 и 38,6%. В сельском хозяйстве картина была иной. Численность занятых здесь уменьшилась, поэтому продукция сельского хозяйства не только полностью увеличилась за счет роста производительности труда, но этот рост возмещал снижение численности занятых в сельском хозяйстве. Так, если производительность труда возросла в сельском хозяйстве за 1928—1940 гг. в 1,7 раза, то продукция этой отрасли увеличилась только в 1,4 раза, т. е. рост производительности труда составлял 121,4% к росту продукции.

Рост производительности труда в годы предвоенных пятилеток осуществлялся в основном за счет увеличения его фондовооруженности. Основные производственные фонды промышленности и строительства за период 1928—1940 гг. выросли более чем в 8 раз, а занятость в этих отраслях — в 2,9 раза, что означало рост фондовооружен-

[20] Народное хозяйство в 1961 г. М.: Госстатиздат, 1962, с. 565; Труд в СССР. М.: Госстатиздат, 1964, с. 11.

ности в 2,7 раза. Если сравнить данный показатель с ростом производительности труда в промышленности и строительстве, то окажется, что она незначительно обгоняла рост фондовооруженности и возросла за тот же период более чем в 3 раза[21]. Это свидетельствует о том, что фондоотдача в целом за период 1928—1940 гг. в промышленности и строительстве росла незначительно. Фондовооруженность же труда в сельском хозяйстве возросла в 2,9 раза, а производительность — всего в 1,7 раза[22].

Огромную роль в увеличении производительности труда в период 1928—1940 гг. сыграл рост его электровооруженности, что видно из следующих данных о темпах роста производительности труда и его электровооруженности в промышленности (в % к 1928 г.):

	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Электровооруженность труда	150	350	400
Производительность труда	141	258	343
Коэффициент опережения электровооруженности труда	1,06	1,36	1,17

Как видно из приведенных данных, электровооруженность труда в промышленности в 1928—1940 гг. росла в 1,5 раза быстрее, чем фондовооруженность[23]. Электромехановооруженность труда в промышленности возросла в 2,5 раза[24]. В сельском хозяйстве число электроустановок и других механических двигателей возросло с 0,6 млн. л. с. в 1928 г. до 1,6 млн. л. с. в 1940 г., т. е. в 2,7 раза, а производительность труда увеличилась в 1,7 раза. Этот показатель был более чем в 2 раза больше, чем в промышленности, что связано с объективно более низкой, чем в промышленности, эффективностью использования электромеханических установок, обусловленной спецификой сельскохозяйственного производства: рассредоточенностью на громадных пространствах, нестандартностью процессов, незначительным потреблением энергии на каждом производстве, сезонностью работы.

---

[21] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1958 г. М.: Госстатиздат, 1959, с. 58; Народное хозяйство СССР в 1961 г., с. 565.

[22] Рассчитано по: Страна Советов за 50 лет. М.: Статистика, 1967, с. 29; Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 58; Труд в СССР, с. 11.

[23] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1958 г., с. 58; Труд в СССР, с. 11; *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ, 1947, с. 11—12.

[24] *Полещук Н. Г.* Энерговооруженность и производительность труда. М.: Экономика, 1973, с. 80.

Вопрос о влиянии роста электровооруженности труда на рост его производительности в различных отраслях народного хозяйства должен был стать одним из основных в комиссии Г. И. Ломова.

3. План электрификации страны (1932—1945 гг.) и его выполнение

Значение разработок комиссии Г. И. Ломова состояло в том, что они дали «вчерне разработанный план электрификации во второй пятилетке» [25]. Как уже говорилось, попытка комплексного подхода к плану, рассмотрение его в единстве экономического, социального и технического аспектов реализовалась в комиссии Ломова технико-экономическим обоснованием плановых показателей. Реализовать другие аспекты комплексного подхода не удалось, и комиссией Ломова был представлен в основном план электрификации на вторую пятилетку, опирающийся на ее черновые варианты.

Задачей нового плана электрификации была ликвидация «несоответствия между ростом промышленности, с одной стороны, и состоянием энергетической базы — с другой» [26]. План ГОЭЛРО был полностью выполнен, а по некоторым показателям перевыполнен в области строительства электростанций, подачи электроэнергии. Однако намеченное планом ГОЭЛРО определенное соотношение между выработкой электроэнергии и потреблением ее промышленностью не соблюдалось [27]. Этот недостаток пытались ликвидировать плановики, занимающиеся вопросами электрификации страны, в комиссии Ломова. За основу ими были приняты черновые варианты второй пятилетки. Определенные в них показатели развития страны оказались завышенными по сравнению с фактически полученными (табл. 4). Как видно из таблицы, комиссия Ломова несколько завысила цифры по показателю валовой продукции, по другим показателям цифры комиссии Ломова оказались совсем нереальными.

Наметки по показателю потребления электроэнергии в генеральном плане комиссии Ломова оказались

---

[25] *Куйбышев В. В.* Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1958, с. 405.
[26] Там же, с. 183.
[27] Там же.

Таблица 4. Основные показатели развития промышленности (предполагаемые, утвержденные и выполненные к 1937 г.)

	Черновые варианты второй пятилетки (1937 г.)			Генеральный план (1937 г.) комиссии Ломова	Утвержденный вариант второй пятилетки (1937 г.)	Выполнение второй пятилетки (1937 г.)	Отношение плановых проектировок к фактическим данным, раз				Утвержденный правительством вариант
							Черновые варианты второй пятилетки			Генеральный план	
	первый	второй	третий				первый	второй	третий		
Валовая продукция промышленности, млрд. руб. (в ценах 1926/1927 гг.)	183,6	102,7	92,7	108,2	92,7	95,5	1,9	1,06	0,97	1,1	0,97
Выработка электроэнергии, млрд. квт	100,0	165,0	...	100,0	38,0	36,4	2,7	4,6		2,7	1,04
Добыча угля, млн. т	250,0	250,0	...	250,0	152,5	128	1,9	1,9	...	1,9	1,19
Выплавка чугуна, млн. т	47,0	39,0	56,4	22,0	16,0	14,5	3,2	2,7	3,8	1,5	1,10
Выплавка стали, млн. т	60,0	68,0	...	25,0	17,0	17,7	3,4	3,8	...	1,4	0,95
Добыча нефти, млн. т	...	80—90	42,7	80,0	46,8	30,5	...	2,6—2,9	1,5	2,6	1,53

Источники: ЦГАНХ, фонд 4372, опись 31, дело 146, лист 25 дело 137, лист 35—36 дело 133, лист 116, 157 дело 134, лист 96, 89, 86 дело 139, лист 1 дело 110, лист 156 дело 123, лист 2 дело 144, лист 97. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1934, с. 427, 430, 428, 455; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1938, с. 80, 76, 80, 82; Генеральный план электрификации СССР, т. 2. М.—Л., 1932, с. 27, 28, 120, 15, 41; т. 6, с. 16.

больше действительно достигнутых в промышленности — в 2,5 раза, в сельском хозяйстве — в 23, на транспорте — в 6,7, в коммунальном хозяйстве — в 1,8 раза (табл. 5).

*Таблица 5. Использование электроэнергии в народном хозяйстве к 1937 г.**

	Генеральный план		Фактические данные		Отношение плановых показателей к фактическим данным, раз
	млрд. квт-час	% к итогу	млрд. квт-час	% к итогу	
Промышленность	62	72,1	24,4	67,5	2,5
Сельское хозяйство	7	8,1	0,3	0,9	23,3
Транспорт	8	9,3	1,2	3,4	6,7
Коммунальное хозяйство и быт	9	10,5	5,0	13,7	1,8

* Генеральный план электрификации СССР, т. 2, с. 7; Социалистическое строительство Союза ССР. М. -Л., 1939, с. 23; Промышленность СССР. М.: Госстатиздат, 1957, с. 20–21.

Планируя развитие электрификации промышленности, составители генерального плана исходили из того, что к 1938 г. должны быть электрифицированы все предприятия страны. Потребление электроэнергии промышленностью должно было, по заданиям плана, возрасти в 5,5 раза, а продукция промышленности — в 2,5 раза. В действительности же эти показатели составили соответственно 2,8 и 2,2 раза, т. е. планируемые удельные расходы электроэнергии в промышленности были завышены в 1,7 раза.

В генеральном плане электрификации, предложенном комиссией Ломова, впервые конкретно разбирались проблемы электрификации и коммунального хозяйства, а также транспорта. По плану ГОЭЛРО для нужд сельского хозяйства намечалось дать к 1931 г. 1 млн. квт-час энергии, в действительности было дано 55 тыс. квт-час. Причина такого положения коренилась в том, что в самом сельском хозяйстве до массовой коллективизации не было возможности широко применять электроэнергию, слабо разрабатывались и технические методы электрификации

сельского хозяйства. Выход из такого положения отдельные экономисты видели в использовании электроэнергии в единоличном хозяйстве. Это предложение было решительно отвергнуто. В основу разработки генерального плана электрификации сельского хозяйства и плана второй пятилетки в этой отрасли были положены решения 17 партконференции, где указывалось, что объектами электрификации являются прежде всего промышленность и транспорт, электрификация же сельского хозяйства должна осуществляться постепенно.

Главное внимание в плане намечалось уделить электрификации государственного сектора в сельском хозяйстве, которую предлагалось осуществить в основном через линию передач от крупных районных электростанций и частично — за счет специальных сельскохозяйственных и комбинированных станций мелких и средних мощностей, использующих в виде топлива отходы сельскохозяйственного производства. Электрифицировать предполагалось прежде всего работы в животноводстве, молочно-мясном и птицеводческом хозяйствах, т. е. в тех отраслях, где процессы производства требуют стационарных двигателей и позволяют механизировать самые мелкие производственные процессы. В связи с этим ставился вопрос об изготовлении специального электрооборудования для сельского хозяйства.

В генеральном плане электрификации справедливо указывалось, что «задача постепенного внедрения электроэнергии в сельское хозяйство требует максимально дифференцированного подхода в зависимости от отрасли хозяйства, социального ее облика и территориального размещения» [28]. Конкретные предложения по электрификации сельского хозяйства были нереальны. Авторы плана исходили из необходимости использовать 10% выработанной электроэнергии в сельском хозяйстве, однако в действительности этот показатель составил всего 0,9% [29].

Генеральный план электрификации предполагал электрифицировать не только процесс переработки сельскохозяйственной продукции, но прежде всего производствен-

---

[28] Генеральный план электрификации СССР, т. 4. М.: Госплан, 1934, с. 40.

[29] Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М.: Госплан, 1930, с. 70.

ные процессы в самом сельском хозяйстве. Впервые ставились научные проблемы в области электрификации сельского хозяйства. К научным проблемам, частичное разрешение которых считалось возможным в пределах планируемого периода, М. Г. Евреинов, один из составителей плана электрификации, относил влияние лучистой энергии и ионного потока на живую клетку и искусственное создание витаминных свойств в кормах и пище. При составлении генплана электрификации сельского хозяйства Евреинов предлагал выделить следующие научно-исследовательские проблемы: использование всех видов энергетических ресурсов — от отбросов тепла районных станций до энергии ветра, солнца и разницы температур в океане; применение лучистой энергии и электромагнитных полей высокого напряжения и ионного потока в зоотехнике вегетативных процессах; изучение электрометеорологических явлений, попытки воздействия на погоду, искусственное дождевание[30].

Как известно, многие из этих проблем остались нерешенными до сих пор, однако важно отметить, что в плане впервые была отражена необходимость начать научную работу над проблемами сельского хозяйства. В плане выдвигалась также задача изучения опыта применения электричества в сельском хозяйстве за границей: электросилосование, электровентиляторная сушка и подготовка кормов — и разработка рекомендаций для его использования в СССР.

В генплане впервые была поставлена задача электрификации транспорта. В материалах генплана анализировались технико-экономические характеристики электрифицированных дорог Англии, Италии, Японии, Аргентины. Исходя из опыта этих стран и с учетом специфики СССР в расходе электроэнергии на вагоно-километр пути были сделаны расчеты по народнохозяйственной эффективности перевода железных дорог на электрическую тягу. Так, по приведенным в плане расчетам В. Д. Колычева, эксплуатационные расходы при электрической тяге на железной дороге оказывались в 1,6 раза меньше, чем при паровой тяге[31]. Расчеты, проведенные спустя 30 лет Л. А. Мелентьевым и Е. О. Штейнгаузом, подтвердили их

[30] Генеральный план электрификации СССР, т. 4, с. 159—160.
[31] Генеральный план электрификации СССР, т. 3. М.: Госплан, 1933, с. 205.

правомерность. Они считают, что использование электрической тяги дает экономию в 1,5—2,3 раза [32].

План электрификации железнодорожного транспорта исходил из того, что количество перевезенных железнодорожным транспортом грузов составит в 1937 г. 750 млн. т [33], в действительности этот показатель составил 517,3 млн. т [34]. Общая протяженность линий, включенных в новый план электрификации, должна была в 1937 г. составлять 22,4 тыс. км [35], в действительности к 1 января 1938 г. имелось 1,041 тыс. км постоянно электрифицированных линий [36]. По генплану удельный вес электрической тяги должен был составить по грузообороту в 1937 г. 46% [37], в действительности он составил 2% [38].

Несмотря на нереальность конкретных установок по электрификации железнодорожного транспорта этот план сыграл большую роль в анализе существующего в мире опыта и дал конкретное технико-экономическое обоснование необходимости электрификации.

При подготовке генерального плана электрификации страны впервые в особый комплекс были выделены проблемы энергетики коммунального хозяйства. В связи с основной задачей второй пятилетки — ростом в 2 раза народного благосостояния — увеличивалась роль электрификации жилищного и коммунального хозяйства. Индустриализация городов повлекла за собой создание новых промышленных центров и реконструкцию старых, что вызвало рост населения городов, а отсюда возникла проблема их благоустройства.

Как и при разработке проблем электрификации сельского хозяйства, составители нового генерального плана исходили из нереальных посылок: к 1937 г. намечалось выработать 100 млрд. квт-час электроэнергии и использовать на нужды жилищно-коммунального хозяйства 9 млрд. квт-час. В действительности на эти нужды было

---

[32] *Мелентьев Л. А., Штейнгауз Е. О.* Экономика энергетики СССР. М.— Л.: Госэнергоиздат, 1963, с. 202.
[33] Генеральный план электрификации СССР, т. 3, с. V.
[34] Транспорт и связь СССР. М.: Статистика, 1972, с. 95.
[35] Генеральный план электрификации СССР, т. 5. М.: Госплан, 1934, с. V.
[36] Транспорт и связь СССР, с. 89.
[37] Генеральный план электрификации СССР, т. 5, с. 165.
[38] Транспорт и связь СССР, с. 94.

использовано всего 5 млрд. квт-час [39]. На освещение, водоснабжение, общественное питание, транспорт и другие бытовые нужды предполагалось использовать 11% общего количества потребленной в 1937 г. электроэнергии. В действительности этот показатель составил 13,7% [40].

Отправным пунктом планирования необходимого для нужд быта количества электроэнергии был прогноз роста населения городов, который исходил из прогноза роста всего населения. По прогнозу А. К. Смирнова, численность населения должна была достигнуть к 1938 г. 182,7 млн. человек, из которых 63 млн. должны были составлять жители городов [41], в действительности эти показатели составили соответственно 170,5 млн. и 55,9 млн. человек. По прогнозу предполагалось, что за период 1933—1938 гг. при росте общей численности населения на 109,7% городское население возрастет на 156,6%. В действительности за этот период рост общей численности населения составил 102,9%, а городского — 140,8%.

Таким образом, при общем завышении показателей соотношение между общим ростом населения и ростом городского населения значительно преуменьшилось (по прогнозу 1,9% среднегодового прироста общей численности населения давал 8,4% среднегодового прироста численности городского населения, в действительности — 0,5% давал соответственно 5,9%). Причина таких неудач в прогнозе коренилась в чистой экстраполяции тенденций предшествующего периода.

Несмотря на нереальность конкретных установок в области электрификации коммунального хозяйства, комиссия Ломова впервые разработала методологический подход к планированию этой сферы народного хозяйства. Использование в качестве исходного момента расчетов предполагаемого роста численности населения, изменений в его составе, развития городов прочно вошло в практику планирования сферы бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства.

В комиссии Ломова разрабатывались также установки градостроительства, которые были использованы как во вторую пятилетку, так и в годы послевоенных пятилеток.

---

[39] Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, с. 79.

[40] Там же.

[41] Генеральный план электрификации СССР, т. 5, с. 20.

Комиссией Ломова ставился вопрос и об аграрно-промышленном городе. В таких городах также предполагалась значительная децентрализация жилых районов, разделенных земельными угодьями и связанных внутригородской сетью путей сообщения.

В материалах плана по электрификации быта и коммунального хозяйства предпринималась попытка прогноза на пятилетие возрастной структуры населения и распределения его по роду занятий. В зависимости от этого предлагались различные жилищные нормы и устанавливалась потребность в жилплощади. Несмотря на недостатки и нереальность установок, этот план впервые поставил ряд вопросов, включаемых в разработку последующих планов: рост численности населения городов, норму жилой площади, типизации строительства и другие.

Составители генерального плана электрификации правильно предусмотрели форсированное развитие электровооруженности труда во второй и третьей пятилетках. Так, за период 1932—1940 гг. потребление энергоресурсов в расчете на одного работника промышленности в год возросло в топливном эквиваленте на 113,8%, в электрическом эквиваленте на 113,6%, в то время как за период первой пятилетки эти показатели составили соответственно 1,5 и 1,7%. В 1932—1940 гг. энерговооруженность на одного работающего в промышленности возросла на 134,2%, тогда как за годы первой пятилетки — на 7,3%. Этот рост шел в основном за счет роста электровооруженности труда, доля которой в энерговооруженности возросла с 48% в 1928 г. до 50% в 1932 г. и 69% в 1940 г.[42]

В целом можно утверждать, что сравнение установок комиссий генерального плана с итогами довоенных пятилеток показало, что в основном составители генерального плана не могли определить показатели развития страны. Дело заключалось не столько в значительном расхождении количественных показателей, сколько в неумении предвидеть крупные сдвиги в экономике, связанные с его социальной перестройкой. Практически для второй пятилетки были использованы лишь отдельные предложения комиссии Ломова, которая, однако, также не избежала давления над своими разработками метода экстраполяции.

---

[42] Рассчитано по: *Полещук Н. Г.* Энерговооруженность и производительность труда. М.: Экономика, 1973, с. 72, 81.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая опыт долгосрочного планирования в СССР в конце 20-х — начале 30-х годов, следует выяснить, что дал этот опыт для планирования на современном этапе развития народного хозяйства. Такой подход позволяет установить как научную ценность разработок конца 20-х — начала 30-х годов, так и выявить практически полезные установки, подлежащие развитию на современном этапе, предвидеть типичные для всех периодов планирования трудности. В этой связи важны следующие результаты деятельности комиссий по составлению генерального плана этого периода.

I. Разработки по генеральному плану доказали необходимость перспективного планирования для решения крупных народнохозяйственных проблем строительства социализма и коммунизма. Несмотря на неудачные попытки его составления в конце 20-х — начале 30-х годов, именно в то время окончательно сложилось представление о долгосрочном плане как составной части всей цепи планов: долгосрочных, пятилетних, годовых. Это явилось важным научным вкладом в теорию планирования, так как отражало объективную необходимость разработки генеральных планов социалистического строительства и непрерывность планирования основных экономических процессов. В настоящее время необходимость трехчленной системы (долгосрочных, пятилетних, годовых) планов связана с дополнительными обстоятельствами, характеризующими экономику развитого социализма. Все крупные проблемы развития современного народного хозяйства СССР требуют составления плана на длительный период в его постоянной увязке с пятилетними и годовыми планами. Так, нельзя планировать темпы роста производительности труда и повышения жизненного уровня народа, не имея долгосрочной программы технического прогресса и социалистической экономической интеграции, не представляя перспектив соревнования с передовыми капита-

листическими странами. Оптимальное решение проблем, стоящих перед советской экономикой, требует, как указывал Л. И. Брежнев «уже сегодняшние планы нацеливать на решение задач завтрашнего дня»[1].

2. Составление генерального плана должно опираться на научный анализ исходного периода и фундаментальное обоснование целей генерального плана. Конец 20-х — начало 30-х годов были периодом, когда хозяйственная обстановка стремительно менялась, а конкретизация основной цели — строительства социализма — требовала выявления главных направлений развития экономики, которые только зарождались в тот период. Эта объективная трудность осложняла поставленную задачу. Однако осознание ее свидетельствовало о зрелом подходе к разработке долгосрочной перспективы. Реализация этого принципа в какой-то мере удалась комиссии Ломова. Опираясь на анализ состояния электрификации, эта комиссия предвидела форсированное развитие электровооруженности труда во второй и третьей пятилетках.

3. Наибольшую трудность при составлении генерального плана представляла разработка технической программы и ее увязка с социально-экономической стороной плана. Преодолеть эту общую для всех периодов планирования трудность комиссия Ломова предлагала путем разработки научно обоснованных технико-экономических показателей производства, что оправдало себя. В современных условиях, когда при разработке плана особое внимание уделяется методам повышения эффективности общественного производства, система технико-экономических показателей может быть использована для наиболее полного учета всех технико-экономических возможностей предприятий и отраслей. Разработка технико-экономических показателей производства в начале 30-х годов показала, что они должны являться важнейшим обоснованием качественных показателей плана.

4. Комиссия Ковалевского впервые предложила использовать в долгосрочном планировании экономико-математические методы. Это направление получило широкое развитие на современном этапе планирования. Практическое применение экономико-математической модели Фельдма-

---

[1] *Брежнев Л. И.* Великий Октябрь и прогресс человечества. М.: Политиздат, 1977, с. 13.

на в разработках комиссии Ковалевского было неудачным. Однако эту неудачу можно назвать «плодотворной», так как она вплотную подвела к необходимости строить модели на основе длительного изучения моделируемых процессов, познания их природы и законов развития.

Опыт составления генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов показал также неприемлемость применения метода чистой экстраполяции. Долгосрочный план представляет собой стратегию развития на длительный период. Его основная задача — определение социально-экономических целей исходя из научно обоснованной концепции технического прогресса, что повышает роль науки в планировании. На определенном уровне развития главными становятся качественные показатели развития экономики, планирование которых возможно лишь на основе научно-технического прогресса. Уже к концу первой пятилетки, когда встал вопрос об освоении накопленной техники и улучшении качества продукции, подчеркивалась роль науки в планировании. Планы научно-технического прогресса позволяют планировать темпы и пропорции не на основе экстраполяции, а используя инженерный прогноз возможностей развития техники.

5. Разработки по генеральному плану конца 20-х — начала 30-х годов послужили толчком к оживленным дискуссиям по проблемам долгосрочного планирования. В процессе обсуждения результатов деятельности комиссий и причин их неудач были выявлены важнейшие положения, имеющие значение для современного этапа планирования. Они заключались в следующем:

в доказательстве того, что единственно научной основой планирования является марксистско-ленинская теория воспроизводства;

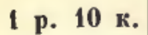
в необходимости выдвижения научно обоснованных целей развития на планируемый период;

в понимании особенностей долгосрочного плана как средства реализации стратегических задач партии в области коммунистического строительства;

обязательности комплексного подхода к планированию в единстве его отраслевого, районного и народнохозяйственного аспектов;

в выявлении роли детального научно-технического обоснования всех разделов плана.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Маневич В. Е. Проблемы денежного обращения в советской экономической литературе 1917—1926 гг. —10 л.

В книге дан анализ советской экономической литературы первого десятилетия Советской власти, посвященной теории денежного обращения. Анализ теоретических проблем ведется в единстве с практическими задачами руководства народным хозяйством, с экономической стратегией партии и конкретной хозяйственной обстановкой тех лет. В монографии подчеркивается роль работ В. И. Ленина, решений партии в становлении теории денежного обращения, кредита, финансов социалистического общества.